

№1
Январь 2022

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 9

АРИАДНА ШЕНГЕЛАЯ:

«МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ
ВЕРНЫ ДРУГУ ДРУГУ!»

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«**რუსული კლუბი**»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 СЧАСТЛИВОГО НОВОГО ГОДА!
- 8 ВЫСШАЯ НАГРАДА
- 9 АРИАДНА ШЕНГЕЛЯЯ: «МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ
ВЕРНЫ ДРУГУ ДРУГУ!»
НИНА ШАДУРИ
- 14 «И ВАМ ДАНА СВОБОДА – ВЫБИРАТЬ...»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 22 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 «ГРУЗИЯ – СТРАНА ЧУДЕС!»
ДМИТРИЙ СПОРЫШЕВ
- 33 МЕСТО ВСТРЕЧИ – ТБИЛИСИ
- 35 ПОЕЗДКА В ГРУЗИЮ
ТАТЬЯНА МАРЧЕНКО
- 42 В ГОСТЯХ У ЭЛИЧКИ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 46 АКОП ОВНАТАНЯН – В МУЗЕЕ БЕЛЬВЕДЕР
ИРИНА ДЗУЦОВА, АЛЬДА ЕНГОЯН
- 49 ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕЗ
ТАМАЗ ГЕРСАМИЯ
- 53 СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ
ВАХТАНГ АРОШИДZE

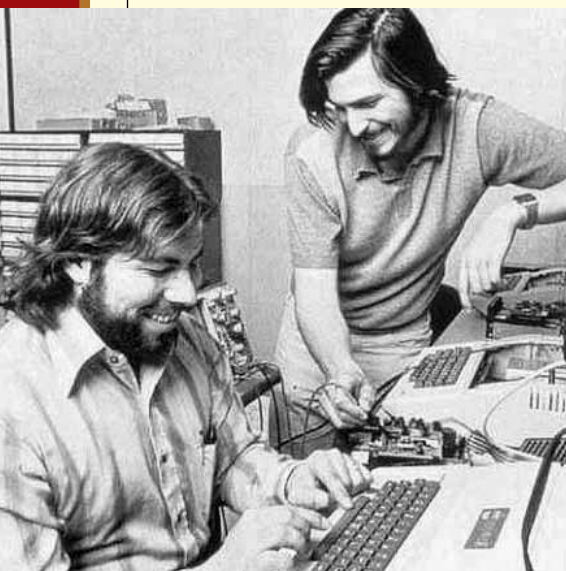
На обложке – НОВОГОДНЕЕ ОФОРМЛЕНИЕ
УЛ. АТОНЕЛИ
Фото Александра СВАТИКОВА

Январь от ДО

Роб АВАДЯЕВ

ДВОЕ ИЗ ОДНОГО ГАРАЖА

Стив Джобс и Стив Возняк в январе 1977 года основали Apple. Да, да! Даже представить себе трудно, что нынешний цифровой мир начался аж сорок пять лет назад. И его начали в обычном гараже рядового американского дома представитель небогатого мидлкласса ребята студенческого возраста, которые просто хотели заработать. Это были два молодых оболтуса, которые имели таланты и способности, но пока в жизни не преуспели. В итоге, как это иногда в жизни случается, они оказались настоящими гениями. Один Стив Возняк был трудолюбивым и рукастым изготовителем «голубых коробочек» – это был такой подпольный гаджет, позволявший с улицы звонить по межгороду с чужих телефонов. То есть подходишь к чужой стене, включаешь коробочку и говоришь по межгороду сколько угодно, а платит несчастный ни в чем не повинный владелец домашнего радиотелефона, когда ему приходит астрономический счет за переговоры. В Москве этим баловались в девяностых, а продавались подобные

коробочки на Черкизовском рынке в китайских лавках. А другой Стив, который Джобс, вошел в историю как гениальный создатель богатейшей IT-компания, своим чутьем находивший феноменальные новые разработки и с успехом внедривший их в наш быт, изменив историю цивилизации – компьютеры Мак, айпады, айподы, айфоны и многое-многое другое. А тогда эти двое парней в далеких семидесятих накупили подходящие детали, гениальный Возняк создал первый нормальный персональный компьютер в сколоченном из дощечек от ящика для фруктов и деталей разобранного старого секретера, а феноменальный Джобс сумел наладить его продажи. Тогда это чудо техники стоило немалые 666 \$ и 66 центов. А недавно последний из сохранившихся рабочих экземпляров продали на аукционе музею почти за миллион долларов – ведь это уже история.

ТРИ ГОДА НА 41° С.Ш.

В нынешнем январе мы вспоминаем Игоря Герасимовича Терентьева, известного русского поэта-футуриста, художника, иллюстратора и театрального режиссера первой трети XX века. Он родился 29 января 1892 года в семье жандармского полковника и дочери отставного ротмистра в Павлограде. Рос и учился Игорь в Харькове. Там же поступил на юридический факультет, откуда позже перевелся в Московский университет, который окончил в 1914 году. За год до революции Игорь женился и переехал в Тифлис, где поселился у родителей супруги. Освоившись в новом интересном для себя городе, Терентьев познакомился с братьями Зданевичами, Крученых, Чернявским, Гудиашвили, Дарвишем, Валишевским и вступил в ультра-авангардную группу «Синдикат футуристов». А позднее вместе с друзьями выделился в знаменитый «41°». Здесь Терентьев нашел себя – он писал стихи, рисовал иллюстрации, оформлял сборники. Ведь здесь, на юге, вдалеке от невзгод Гражданской войны, образовался очаг русскоязычной культуры. Благо на гостеприимной грузинской земле нашли убежище немало ярких представителей российской интеллигенции. Здесь произрастали цветы высокого искусства в самых разных жанрах. Но этому благодатному времени был отпущен малый срок, всего три года. Разъехались художники и артисты, поэты и литераторы, акмеисты и символисты. Кто отправился в чужие края, кто вернулся на Север. Остался в России и известный представитель новаторского поэтического течения Игорь Терентьев. Ему

было суждено испытать на себе все ужасы Большого террора. В 1937 году он был расстрелян в Бутырской тюрьме.

БУНТ ФАНАТОВ

Немного есть для руководителей крупных городов более опасных вещей, чем массовые сходки людей. Поэтому политические демонстрации, большие ярмарки и праздничные гуляния обязательно должны происходить только по разрешению городских властей. И их всегда обеспечивают повышенными мерами безопасности с привлечением дополнительных сил правопорядка. Особенное беспокойство вызывают спортивные болельщики – этот народ представляет собой стихийно организованные сообщества по признаку приверженности к той или иной спортивной команде. Их много, они всегда возбуждены, всегда ищут конфликта с противоположной группой фанатов. И так было во все времена, а не только на наших современных стадионах. Сегодня мы вспомним, пожалуй, самое ужасное буйство стадионных фанатов в истории – восстание ипподромных болельщиков в древнем Константинополе «Ника!» в шестом веке. Этот лозунг с ударением на «а» раздавался на трибунах ипподрома во время забегов квадриг и означал «Победим!» Как спортивный возглас «Форца, Италия!» («Вперед, Италия»), который стал названием оппозиционной партии в прекрасной стране Аппенинского сапога. Что же привело к восстанию ипподромных болельщиков в те далекие времена? Как обычно – коррупция и жестокость руководства, нерешенные религиозные и династические вопросы. В шестом веке в Византии, которую так никто никогда не называл, кроме современных учебников истории, а правильнее в Восточной Римской империи, правил император Юстиниан I вслед за своим дядей Юстином. Тот стал монархом прямо из начальников гвардии и был неотесанным солдафоном, даже не особенно зна-

комым с грамотой. Юстиниан же напротив был вполне образованным и способным молодым человеком, к тому же в демократическом порыве женившемся на простолюднике и, по слухам, даме с пониженной социальной ответственностью по имени Феодора. А общественная жизнь столицы Восточного Рима крутилась вокруг... ипподрома. Любимое зрелище гонок по кругу разделило всех жителей на две основные партии – «голубых» венетов и «зеленых» прасинов. Правда, были еще белые «левки» и красные «русины», но их было совсем немного, как в Москве болельщиков «Химок» и «Торпедо». Естественно, «зеленые» – представители владельцев производств, ремесленников и купцов яростно воевали с «синими» – представителями сенаторской аристократии и крупных землевладельцев, к тому же проживавших в районе престижной центральной улицы Меза. Что-то вроде вражды между футбольными лондонскими фанатами аристократического «Челси» и пролетарского «Тоттенхэма». И это была не просто вражда, а настоящее политическое противостояние – венетов поддерживал сам император, а прасины были угнетаемы чиновничеством. Да еще венеты были христианами, поддерживающими решения Халкидонского собора, а прасины были монофизитами. Представляете, какими были сражения и драки на трибунах не только константинопольского ипподрома, но и всех цирков огромной империи? Но в январе 532 года случилось непредвиденное – после обычной большой драки между этими непримиримыми партиями, закончившейся несколькими трупами, кто-то позволил себе громко критиковать императора, сидевшего в своей персональной шикарной трибуне под названием Кафизма. Обычно это было нормальным явлением со времен Константина Великого. Он ввел аккламацию, то есть «голос народа» – разрешенные критические выкрики на трибунах. Но здесь чаша терпения молодого монарха оказалась переполненной, и он велел пове-

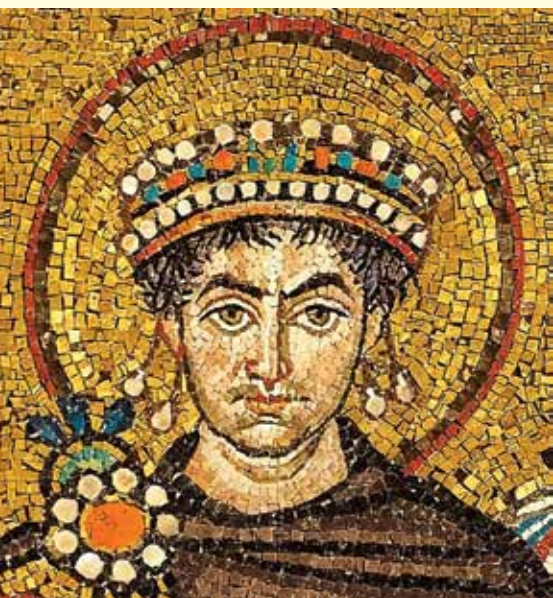
сить нескольких зачинщиков беспорядков, как голубых, так и зеленых. Казнь не удалась, веревки лопнули, а когда исполнители вознамерились все-таки повторить экзекуцию, толпа фанатов напала на них и отбила своих. Обе враждебные партии объединились и устроили такой погром в городе, что добрая половина всех приличных зданий сгорела, включая первоначальный храм Святой Софии. Погромы продолжались целую неделю с 13 по 18 января 532 года, и уже приближался штурм императорского дворца, благо он граничил непосредственно с ипподромом, где на трибунах происходили непрерывные политические митинги. Вот на что способны сплотившиеся массы. Там даже короновали нового императора Ипатия – племянника императора Анастасия, который правил еще до дяди Юстиниана. Это был довольно мирный и лояльный власти дворянин, к тому же занимавший вполне приличное положение, достойное его происхождения. Но от восторгов толпы у него явно немного закружилась голова. А между тем во дворце началась паника, Юстиниан собирался на корабль, чтобы бежать с семьей. Но тут публично выступила его супруга Феодора, заявившая, что она никуда не поедет, а будет сражаться и не откажется от своего императорского права. «Лучший саван – это царская порфира!» – заявила отважная женщина. Юстиниан устыдился, собрал военный совет и велел войскам под командованием лучших генералов навести порядок. Великий византийский воитель Велитарий – популярный в стране военачальник, как в XX веке в СССР маршал Жуков, со своими закованными в железо воинами вошел на ипподром и устроил там страшное побоище. Бежавших на ближайших улицах встречали отряды еще одного выдающегося полководца армянского происхождения Нерсеса... Погибло почти тридцать тысяч человек, включая новоизбранного императора, и порядок в городе был восстановлен. А за последующие шесть лет были возведены новые прекрасные здания и великая Айя-София, которой мы можем любоваться, приезжая в великолепный Стамбул.

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Когда человек принимает окончательное и подчас рискованное решение, говорят, что он «перешел Рубикон». Это крылатое выражение появилось после событий 10 января 49 года до н.э. Тогда великий римский полководец, политик и писатель, гениальный Гай Юлий Цезарь перешел границу Рима, проходившей по

реке Рубикон, и с одним легионом и тремя сотнями всадников направился прямо в Вечный город. Это был открытый бунт против Сената и народа Рима. Цезарь обязан был здесь – на государственной границе метрополии, снять с себя полномочия главнокомандующего войсками в Галльской войне, распустить свои легионы и в качестве частного лица явиться в Рим. Но там его уже ожидали политические враги «оптиматы» – сенатская аристократия. А Цезарь в своей деятельности тяготел к популярам – представителями плебса, беднейшего населения Рима. Оптиматы ненавидели Цезаря, который хоть и принадлежал к одному из старейших и знатнейших патрицианских родов, был их идейным противником. Всем было известно стремление Цезаря достичь власти максимально законным путем, но оптиматы решили этого не допустить, инспирировав судебное преследование против него по всем мыслимым и немыслимым поводам. Это было обычное римское оружие против политических противников. И неважно, что человек был лично честен, ведь в Риме была пословица типа русской «закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло». Посему перспективы Цезаря были очень и очень не важными, а положение совсем невыгодное. Ведь как только он снимал с себя полномочия проконсула и главнокомандующего, тут же становился уязвимым для политических врагов. В итоге он долго стоял на берегу небольшой речки, а потом произнес: «Жребий брошен!» и пустил коня вперед. Так окончательно закончилась эра республики и забрезжила заря нового Рима – императорского. Цезарь развязал очередную гражданскую войну против сената и своего заклятого друга-врага Помпея Великого. Впереди были победы при Фарсале, в Египте, Малой Азии, Африке и Испании. Впереди были слава, власть, триумф, диктаторство и Клеопатра. Еще впереди были и кинжалы Брута с компанией... А все началось на берегу речушки под названием Рубикон.

Сцена из спектакля «Волшебная сказка странствий»

СЧАСТЛИВОГО НОВОГО ГОДА!

Соб.инф.

В каждом театре, как и в каждой семье, есть свои традиции. Есть они, разумеется, и в Грибоедовском. И самая любимая наша традиция – новогодняя.

Вот уже много лет, на исходе старого года и при встрече нового, в театре неизменно происходят несколько замечательных событий. О них мы с удовольствием и расскажем.

Событие первое – премьера новой музыкальной сказки.

В этом году постановка праздничного спектакля вновь была доверена молодому режиссеру Нике Чикваидзе, уже доказавшему свои способности ярким увлекательным представлением «Снежная Королева» – с голово-

кружительными приключениями и необыкновенными превращениями. Планка была задана, и режиссеру надо было брать новую высоту. «Волшебная сказка странствий» (так называется премьерный новогодний спектакль) написана и поставлена в жанре путешествия. Сюжет, казалось бы, незамысловат, но какой динамикой и зрелищностью насытил его постановщик! История такая: злодеи – Старый год, Соловей-Разбойник, Водяной и Змей Горыныч – похитили у Деда Мороза волшебные часы и собираются их остановить. А это значит, что остановится само время, и Новый год не наступит... И вот герои, братья Петя и Костя, отправляются в путь, полный приключений и опасностей. Им предстоит не только найти заветные часы,

но и проверить себя на прочность, обрести настоящих друзей, превратить врагов в соратников, а еще – по-новому посмотреть на самых близких людей, чтобы полюбить их еще сильнее.

В «Волшебной сказке странствий», поставленной по мотивам пьесы Авто Варсимашвили, Ника Чикваидзе выступил не только в качестве режиссера, но и сценариста, и автора музыкального оформления. В «команду» спектакля вошли художник по костюмам Наталья Кобахидзе, хореограф Мариам Кития (если кто не знает, замечательная актриса Грибоедовского – выпускница Тбилисского хореографического училища им. В. Чабукиани), автор аранжировок Серго Кения и авторы текстов песен Анна Николава и Нина Шадури.

Ярко и азартно играли свои роли артисты Михаил Гавашели, Лука Джигкариани (поздравляем выпускника актерского отделения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена с удачным дебютом на Грибоедовской сцене!), Нина Калатоцишвили, Василий Габашвили, Зураб

Раздача подарков в фойе театра

Чипашвили, Олег Мchedlishvili, Владимир Новосардов, Анна Николава, Кристина Беруашвили, Гванца Шарвадзе, Инна Воробьева, Арчил Бараташвили.

Зрители (особенно и в первую очередь – дети) выразили свое мнение однозначно: невероятно живая реакция в зале, интерактив, дружные аплодисменты, крики «браво!» и, конечно, аншлаги.

Событие второе – ежегодная новогодняя подарочная акция. Праздник – на то и праздник, чтобы им делиться, правда?

Билеты на спектакли и праздничные подарки были безвозмездно переданы воспитанникам детского приюта монастыря Ломисского Святого Георгия, детского приюта при Патриархии Грузии, детского приюта «Каритас», детского дома «SOS – детская деревня», детского сада и школы-интерната для глухонемых детей, детям из малоимущих семей, детям из семей беженцев из Абхазии...

В общей сложности в этом году около пяти тысяч юных жителей Тбилиси и регионов получили подарки от «Русского клуба»: набор сладостей и новое издание из серии «Детская книга» (рассказ А.П. Чехова «Каштанка» с русско-грузинским словарем, упражнениями, кроссвордами и раскрасками). Книга проиллюстрирована молодой грузинской художницей Майей Кабонидзе. Издание приурочено к 135-летию написания рассказа.

Событие третье – поздравление и подарки для наших подшефных – воспитанников Детского центра города Поты.

Наверное, одно из самых-самых добрых дел, которые только может совершить человек в своей жизни – это подарить тепло и внимание одиноким детям. Тем более – в преддверие Нового года, когда даже циничные взрослые в глубине души все-таки ждут чуда. А что уж говорить о тех детях, которые растут и воспитываются в детских домах...

Вот уже почти 18 лет, как театр имени Грибоедова и Союз «Русский клуб» взяли шефство над Детским центром города Поты – регулярно помогают центру материально, дарят детям подарки, поздравляют с праздниками... В конце декабря грибоедовцы поздравили своих юных друзей с наступающим 2022 годом – как всегда, воспитанники получили именно те подарки, которые их особо порадовали (откроем секрет – выбору подарков предшествует большая «разведывательная» работа: мы заранее узнаём, кому чего хочется, кто о чем мечтает). К поздравлениям присоединился и Глава Секции интересов РФ в Грузии Дмитрий Трофимов – он специально приехал в Поты, чтобы лично вручить детям свои подарки. Чего там только не было – и книги, и конфеты, и игрушки, и еще много разных прекрасных разностей! Воспитанникам Потийского детского дома не с кем встречать Новый год – у них нет ни своих домов,

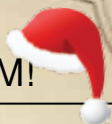
В Детском центре города Поты

ни своих семей. Так пусть этих детей согреет и порадует мысль о том, что у них есть друзья, которые помнят и заботятся о них – с любовью и нежностью.

«Как Новый год встретишь, так и его и проведешь», – гласит знаменитая народная примета.

И, несмотря на то что обострение эпидемиологической ситуации внесло-таки малоприятные коррективы в наши планы, мы все-таки будем надеяться, что проведем 2022 год именно так, как его встретили – в плодотворной работе, теплом общении, добрых делах и любви друг к другу.

Желаем всем счастливого 2022 года!

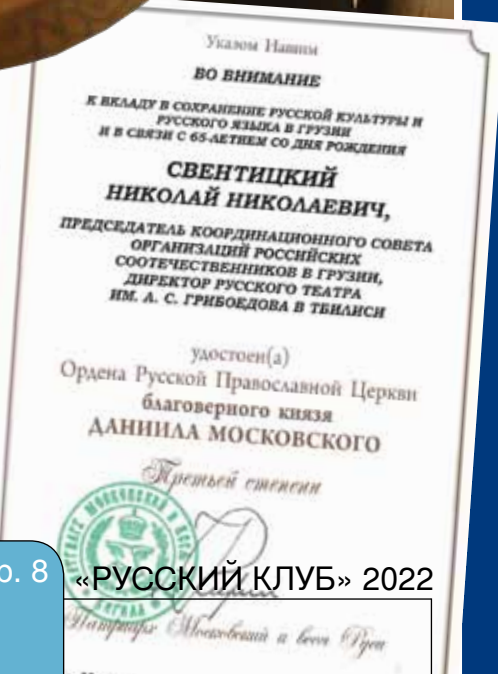

**ВЫСШАЯ НАГРАДА СТД РФ
– НИКОЛАЮ СВЕНТИЦКОМУ**

Председатель СТД РФ Александр Калягин наградил «Золотым знаком СТД России» Николая Свентицкого – директора Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженного деятеля искусств и заслуженного артиста РФ, обладателя специальной награды Министерства культуры и охраны памятников Грузии «Жрец искусства», кавалера Ордена Дружбы, лауреата Русской премии, председателя КСОРСГ.

Высшей награды Союза театральных деятелей РФ Николай Свентицкий удостоен «За многолетнюю культурно-просветительскую деятельность, развитие двусторонних культурных связей между Грузией и Россией, большой личный вклад в уставную деятельность СТД РФ, в частности, в работу с русскими театрами за рубежом».

По поручению и от имени Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла 16 декабря 2021 г. состоялась торжественная церемония вручения Ордена Русской Православной Церкви благоверного князя Даниила Московского Третьей степени Свентицкому Николаю Николаевичу. Высокую награду «К вкладу в сохранение русской культуры и языка в Грузии и в связи с 65-летием со дня рождения» Н.Н. Свентицкому передал Глава Секции интересов РФ в Грузии Дмитрий Трофимов. Текст Грамоты к Патриаршей награде зачитал представитель РПЦ в Грузии отец Владимир (Александров).

АРИАДНА ШЕНГЕЛАЯ: «МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВЕРНЫ ДРУГУ ДРУГУ!»

■ Нина ШАДУРИ

Мы, увы, так часто используем слово «легенда», что рискуем его обесценить. Но сейчас, честное слово, особый случай.

Вот уже без малого 60 лет актрисой театра имени Грибоедова является Ариадна Шенгелая – без всякого преувеличения, настоящая легенда советского кино и Грибоедовского театра.

Однако, если вы, дорогие читатели, надеетесь прочитать на этих страницах эксклюзивное интервью со звездой – напрасно. Надежды наши, как всегда, тщетны.

«Ара» – так называют Ариадну Всеволодовну близкие. Как известно, по-грузински это слово означает «нет». И это именно тот пример, когда характер в полной мере соответствует имени. В самом деле, добиться согласия Ариадны Шенгелая на то, чего ей не хочется, – просто немислимо. Она не встречается ни с журналистами, ни с поклонниками, отказывает в интервью и комментариях. Даже автографов не дает. «В отечественном кино не найти более загадочной звезды, – с грустью констатирует одна из популярных российских газет. – Уже давно Ариадна Шенгелая окружила свою жизнь непроницаемым покровом тайны, заглянуть за который мало кому удастся».

Уговорить ее на беседу как не было, так и нет решительно никакой возможности. Просто никакой.

А жаль. Судьба Ариадны Всеволодовны – необыкновенная, ей есть о чем рассказать...

Родители Ариадны – москвичи. Мама – Анна Павловна Любимова, отец – Всеволод Эдуардович Шпринк, чьи предки приехали из Германии в Россию еще во времена Петра Первого. Объявленный «врагом народа», он провел в ГУЛАГе почти 20 лет. Его фамилию упоминает в своих колымских воспоминаниях Варлам Шаламов – там есть такая фраза: «... отец известной киноактрисы, красавицы Ариадны Шенгелая, бельгиец Всеволод Шпринк, свободно владевший пятью языками и переводивший Сомерсета Моэма на русский».

Ариадна родилась в Ташкенте, училась в Москве, начала сниматься, еще будучи студенткой второго курса ВГИКа, и сразу стала очень популярной.

В годы учебы вышла замуж за студента режиссерского факультета Эльдара Шенгелая. Брак, в котором родились две дочери, Наталья и Екатерина, продлился более 20 лет.

Ариадна Шенгелая сыграла таких героинь мировой классической литературы, о которых может мечтать любая актриса – Татьяна Ларина в фильме-опере «Евгений Онегин» (Премия II Всесоюзного кинофестиваля), Евгения Гранде в экранизации романа Оноре де Бальзака, княгиня Вера Николаевна в «Гранатовом браслете» по А. Куприну («Лучшая актриса года» по опросу журнала «Советский экран»), графиня в экранизации повести А. Пушкина «Выстрел», Каролина Витгенштейн в «Ференце Листе», Хосефа в «Гоие, или Тяжком пути познания», Кассандра в «Дмитрии Кантемире»...

В 1960-70-е годы Ариадна Шенгелая стала одной из самых популярных и любимых актрис советского кино. Всего в ее фильмографии – около пятидесяти картин.

После окончания ВГИКа она была принята в труппу Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Дебют в «Дневнике Анны Франк» Медеи Кучухидзе оказался фантастически успешным. Спектакль стал огромным событием в театральной жизни страны. Народный артист СССР Акакий Хорава, известный своей требовательностью и непоколебимостью, был настолько потрясен этим спектаклем и особенно – работой молодой актрисы, что откликнулся на постановку восторженной рецензией, в которой, в частности, писал: «Не могу не высказать восхищения игрой Ариадны Шенгелая. Думаю, зритель согласится со мной, если я скажу, что это венец постановки. Зрители хорошо знают А.Шенгелая по кинофильмам. Это ее первое появление в театре, и следует сказать, успешное. Иногда даже становится обидно, что такая актриса поздно появилась на сцене.

Она предстала перед нами как очень талантливая, привлекательная, наделенная всеми качествами мастерства актриса. Хороший голос, привлекательная внешность, говорящие глаза, лицо, темперамент, искренние слова и осмысленные действия, чувство сцены, подлинность переживаний – все это сложно обнаружить в одном актере. Но именно такой предстала перед нами А. Шенгелая, и это позволило актрисе создать психологически очень сложный образ. Ее Анна умная, отзывчивая, любящая, волевая, полная жизни. Мы верим, что если бы девочке представилась возможность, из нее вырос бы большой деятель литературы или искусства. Глядя на нее, не чувствуется, что перед нами актриса – нет, это настоящая Анна, настолько правдивая, что каждое переживание доходит прямо до сердца зрителей, вместе с ней смеешься, горюешь, плачешь, радуешься... Когда слушаешь ее детский лепет, смотришь в глаза, полные жажды жизни, постоянного стремления к солнцу, радости, и представляешь, сколько таких юных созданий поглотил фашизм, сердце наполняется гневом, ладони сами собой сжимаются в кулаки, и ты готов собственноручно задушить всех, кто собирается развязать новую войну. Сложно выделить какие-то места, но я все равно не могу не упомянуть сцены подготовки к свиданию, самого свидания и религиозных праздников, как результат большого мастерства. Драматическое искусство всегда выигрывает, если на сцене будет такой талантливый артист, как А. Шенгелая. Мы с нетерпением ждем ее новых работ, которые наверняка оправдают наши ожидания».

И новые работы не замедлили последовать – Ариадна Шенгелая с огромным успехом играла Клеопатру в «Цезаре и Клеопатре», Констанцию в «Трех мушкетерах», Ларису в «Бесприданнице»... В начале 70-х актрису пригласили на роль Кэтрин Баркли в спектакле Театра «Ленком» «Прощай, оружие!»

И вот что еще очень важно. Очевидно, что Ариадна Шенгелая не просто очень красивая женщина и одаренная актриса. Она может то, что органично получается у немногих – играть персонажей «голубых кровей», с легкостью носить королевское платье, быть одновременно царственной и естественной, породистой и непосредственной. Помните рассказ Михаила Жванецкого «Трудности кино»? «Очень большие трудности у киношников... Требования к достоверности возросли, а фрак народ носить разучился. Хамство и грубость в Сибири как раз получается ничего, а образование в Петербурге не идет пока. Аристократизм в Петербурге пока не идет... Или,

там, собственное достоинство, неприкасаемость личности... Сложно стало играть эрудированного, мыслящего человека, и хоть исполнитель морщит лоб и прищуривается, такой перекося лица не убеждает. Сохранились костюмы и обувь, но, когда мы над старинной дворянской одеждой видим лицо и всю голову буфетчицы современного зенитного училища, что-то мешает нам поверить в ее латынь». Ариадна Шенгелая – то нечастое явление, когда сразу веришь и в «латынь», и в собственное достоинство, и в аристократизм. Наверное, потому, что хамство и грубость сыграть можно, а достоинство должно идти изнутри.

А потом, увы, случилось так, что актриса почти перестала отвечать согласием на приглашения режиссеров и уже очень редко выходила на сцену и съемочную площадку. Но зато отдалась педагогике, в течение многих лет преподавала актерское мастерство и сценическую речь в Грузинском государственном университете театра и кино им. Ш. Руставели, и сегодня в Грибоедовском играют несколько ее учеников.

13 января 2020 года, в свой день рождения Ариадна Шенгелая после многолетней паузы вновь появилась на сцене театра Грибоедова (кстати, автором праздничного вечера стала внучка актрисы, Наталья Джугели, выпускница Лондонской академии музыкального и драматического искусства). Надо ли уточнять, что зал приветствовал любимую актрису стоя и аплодировал, не переставая, целых 10 минут! На сцену выходили ее близкие и друзья – Эльдар Шенгелая, Николай Свентицкий, Медея Кучухидзе, Людмила Артемова-Мгебришвили... Какие нежные слова любви они произносили!..

Восхищение талантом Ариадны Шенгелая нашло и зримое воплощение: от имени Президента Грузии Народной артистке Грузии, Народной артистке России вручили Орден Чести, а председатель Театрального общества Грузии Георгий Гегечкори – премию имени Верико Анджапаридзе. По окончании вечера перед кинотеатром «Руставели» состоялось торжественное открытие «Звезды» Ариадны Шенгелая.

«Мои дорогие, мои любимые, как я всем вам благодарна! – говорила в тот вечер актриса. – И не только потому, что вы напоминаете мне о моей молодости, о моем творческом пути... Нет! Я благодарна вам за то, что стою сегодня на сцене моего любимого Грибоедовского театра – стою в последний раз, чтобы поблагодарить всех вас за все, чем вы меня одаривали! Благодарю мой театр, который никогда, никогда не оставлял меня. Благодарю Автандила Варсимашвили, всех моих по-

Ариадна Шенгелая в фильме «Барышня-крестьянка»

трясающих партнеров, моих коллег, благодаря которым мой любимый театр до сих пор существует. Благодарю Коленьку Свентицкого. Именно Коленьку, а не Николая Николаевича, потому что он пришел в этот театр 19-ти лет, а сейчас театр просто не может без него жить. Благодарю Господа за каждый день моей жизни – день радости, счастья, отчаяния, слез, надежды, веры... Я не знаю, сколько еще мне отпущено жить на этой земле... Но я счастлива, что на этой благословенной грузинской земле будут жить мои потомки. Я желаю всем, чтобы по нашей земле шли счастливые люди! И чтобы Господь никогда не оставлял ни нас, ни наших любимых потомков. Пусть над Грузией всегда будет ясное безоблачное небо, пусть не будет никаких войн, пусть нас жалует природа и не посылает чудовищных катаклизмов. Пусть Господь всегда будет с нами! Благодарю вас, люди!»

А летом того же года нам опять повезло – Ариадна Шенгелая согласилась принять участие в работе Международной Летней театральной школы «Шекветили-2020».

Невозможно забыть два ее потрясающих выступления – на открытии Школы и на вечере «Свеча памяти» в честь 75-летия Великой Победы над фашизмом. Кстати (невероятный случай!), Ариадну Всеволодовну не пришлось просить выступить – оба раза она сама брала в руки микрофон.

«В 1942 году мне было пять лет, – вспоминала актриса на вечере «Свеча памяти». – Женщины с маленькими детьми эвакуированы из Москвы в волжскую деревню. Наши матери с утра до вечера работают в колхозе. А мы – стайка маленьких детей – бегаем по деревне. Нас было человек семь-восемь – бледных, худых, коротко остриженных детей. Все время ужасно хотелось есть. Местное население относилось к нам хорошо. Кто-то выносил чугунок вареной картошки в мундире. Кто-то лепешку разламывал и раздавал по кусочку. Мы прибежали на мельницу, и мельник давал нам куски жмыха. А вы знаете, что такое жмых? Это твердый кусок отжатых семечек, из которых выдавлено постное масло. И это, оказывается, очень вкусно... Но особое место для нас занимали похоронные дни – потому что были поминки. Не подумайте, что эти голодные дети могли просто так прийти к поминальному столу. Ничего подобного! Мы прекрасно понимали, что для этого мы должны вместе со всеми пойти на кладбище и бросить горсть земли на крышку гроба. И после этого мы, с чувством выполненного долга, вместе со всеми шли в дом, где были поминки, и стояли около дверей, пока зареванная усталая хозяйка не говорила кому-нибудь из своих – «Ну, этим-то вынеси...» И нам выносили миску кутьи. И мы аккуратно, чтобы не потерять ни одного зернышка, ели руками эту кутью. И ничего вкуснее

не было! Самое страшное на свете – это голодный ребенок. И я надеюсь – надеюсь! – что над нашей землей никогда не пролетит вражеский самолет, и наши дети всегда будут сыты, веселы и здоровы.»

Ариадна Всеволодовна говорила в звенящей тишине. Потому что у всех перехватило горло. «Ах, война, что ты сделала, подлая...»

А те слова, которые она произнесла на церемонии открытия Летней школы, – это самый настоящий наказ, который сейчас, «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий» звучит особенно проникновенно:

«Давайте говорить о верности. Давайте по-настоящему научимся не предавать. Да, сегодня у кого-то маленькие зарплаты. Так будет в жизни всегда – у кого-то больше, у кого-то меньше. Но мы должны быть верны друг другу, и тогда – внутри нас – ничто не сможет нас сломать! Будьте верны моему, вашему любимому театру – театру имени Грибоедова!»

Спасибо, Ариадна Всеволодовна!

Слава богу, есть Вы, «чистейший образец» таланта и ума, и значит, нам есть на кого равняться и у кого учиться.

С юбилеем!

Сердечно поздравляем АРИАДНУ ШЕНГЕЛАЮ с юбилеем, желаем здоровья, радости и благоденствия! Да здравствует Королева, виват!

На открытии звезды Ариадны Шенгелая

***

Уважаемая Ариадна Всеволодовна!

Примите мои искренние поздравления с юбилеем!

Уникальный талант и любовь к искусству позволили вам воплотить в жизнь немало ярких, неординарных творческих идей и замыслов. За свою насыщенную карьеру вы исполнили десятки замечательных ролей в театре и кино, покорили миллионы зрительских сердец.

От всей души желаю вам крепкого здоровья, бодрости духа и благополучия!

Ольга ЛЮБИМОВА

Министр культуры
Российской Федерации

***

Многоуважаемая Ариадна Всеволодовна!

Примите мои самые искренние поздравления по случаю вашего знаменательного дня рождения!

Эта дата – лишь повод выразить восхищение вашим актерским талантом и вспомнить ваши многочисленные выдающиеся киноработы и яркие театральные роли, в том числе на сцене Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Ослепительная красавица, воплощение утонченной, трогательной женствен-

ности и благородства – российские зрители по-прежнему помнят и любят вас и воплощенные вами на киноэкране образы.

Хотел бы выразить вам, глубокоуважаемая Ариадна Всеволодовна, самые добрые пожелания – долгих лет, здоровья, радости, благополучия и любви близких!

Михаил ШВЫДКОЙ

Специальный представитель
президента РФ
по международному
культурному сотрудничеству

***

Многоуважаемая, дорогая Ариадна Всеволодовна!

Я счастлив поздравить вас с юбилеем!

И выразить вам – прекрасной актрисе, любимой миллионами зрителей, свое восхищение и признание. Советские зрители знают и помнят вас по киноролям, прекрасным, ярким, красивым, первая из которых – дебютная роль в знаменитом фильме «Екатерина Воронина» стала открытием юной, очаровательной, замечательно талантливой актрисы. Затем были еще и еще роли – утонченных, нежных, ранимых, прекрасных, женственных, изысканных красавиц, и это были работы, которые и сегодня оста-

ются лучшими в Золотом фонде отечественного кинематографа. Обидно, что мы не знаем ваших театральных работ, сделанных вами на сцене Русского драматического театра им. А. С. Грибоедова в Тбилиси, но я уверен, что они тоже были чудесными.

Дорогая Ариадна Всеволодовна! 45 лет назад вы связали свою жизнь и с нашим театральным Союзом, остаетесь с нами и сегодня. Спасибо вам за преданность профессии и ваш неповторимый талант. Я желаю вам здоровья, счастья, радости, мира и добра в вашем доме. И пусть каждый ваш день будет согрет зрительской любовью и благодарностью за ваше искусство!

Всего самого-самого доброго вам и вашим близким.

Александр КАЛЯГИН

Председатель СТД
Российской Федерации,
народный артист России

***

Уважаемая, красивая, талантливая Ариадна Всеволодовна!

Союз кинематографистов России, Гильдия актеров кино как преданные поклонники, поздравляют вас народную артистку Грузии, народную артистку России с юбилеем!

Роли, созданные вами, вошли в сокровищницу культуры и

навсегда снискали любовь зрителей. Ваш большой талант и обаяние ярко проявились в незабываемых женских образах: Ирина «Екатерина Воронина», Татьяна Ларина «Евгений Онегин», Лена «Осторожно, бабушка» и княгиня Вера Николаевна «Гранатовый браслет». Вы воплощение яркой красоты и внутреннего достоинства.

Желаем вам, Ариадна Всеволодовна любви и преклонения мужчин, благодарности зрителей, здоровья и долголетия!

Никита МИХАЛКОВ

Председатель Союза кинематографистов России

Сергей НИКОНЕНКО

Президент Гильдии актеров кино

***

Дорогая Ариадна Всеволодовна!

Примите самые сердечные поздравления и добрые пожелания в день вашего юбилея!

В ваш адрес – слова восхищения талантом и верности профессии. Вы – пример благородства, достоинства, доброжелательности.

Мы желаем вам здоровья, душевной бодрости, гармонии. Пусть этот праздничный день в кругу близких и дорогих людей, принесет вам хорошее настроение!

**Коллектив театра
«ЛЕНКОМ МАРКА ЗАХАРОВА»**

***

Грибоедовцы поздравляют неповторимую, изумительную, уникальную, любимую Ариадну Всеволодовну Шенгелая с юбилеем:

Дорогая наша Актриса!

Я горжусь тем, что долгие годы служил с выдающейся Ариадной!

Тем, что выходил с тобой на сцену прославленного Грибоедовского театра и даже был с тобой в одном кадре! Какие были годы! Какие спектакли! Дай тебе силы и терпения в это безумное время. Мы тебя очень любим и ценим то прекрасное время нашей жизни в Грузии!

Светлана и Борис КАЗИНЦЫ

***

Есть люди, которые буквально излучают энергию доброты, в их присутствии другие люди как-то меняются, становятся светлее, и возникает особенная атмосфера доброжелательности. Носителем такой редкой особенности является Ариадна Всеволодовна Шенгелая. 13 января – день рождения, юбилей нашей дорогой Ариадны! Желаю вам, наша несравненная, еще много-много лет излучать этот свет любви, который так нужен и вашим близким, и нам, вашим друзьям и почитателям. Радости и здоровья, дорогая!

Валерий ХАРЮТЧЕНКО

***

Поздравляю от души с юбилеем дорогую Ариадну Всеволодовну! Легенда советского кино, актриса невероятной утонченной красоты, пример для восхищения и подражания! Долгих и счастливых лет жизни, благополучия и радости!

Нана ДАРЧИАШВИЛИ

***

Дорогая Арошка Шенгелая! Ариадна... Под таким красивым именем родилась и живет наикрасивейшая женщина! А красота – это то, что влечет к себе, влюбляет в себя, дает человеку огромное эстетическое наслаждение! В Ариадне Шенгелая все слилось воедино – и красота и талант! Мы всегда помним ее прекрасные образы в кино и в театре! Живите долго, дорогая Арошка, наслаждайтесь жизнью вместе со своими родными! И спасибо за все!

Алла МАМОНТОВА

***

Не знаю, что может быть лучше, когда твой педагог – Ариадна Всеволодовна? И сценической речи обучит, и вкусняшками угостит. Каждый студент для нее был любимым дитем, которое она оберегала. С днем рождения вас, гениальная Ариадна Шенгелая!

Мераб КУСИКАШВИЛИ

***

Да, в моей жизни это случилось! Моим педагогом была и остается заботливая, внимательная, чуткая, талантливая, красивая и любимая Ариадна!

Нина НИНИДЗЕ

***

Зима. Снежинки,
Друг на дружку не похожие.
Вокруг

– калейдоскоп в картинках
Прохожих,
Прохожих на бегу.
Среди всего аттракциона
Средневековья и бесчестья,
Среди теней до миллиона,
Столкнулся

с грацией человечьей,
Распятой на снегу.
Я преклонил колено.
И на вопрос – чего желаю,
Ответил:

Я благодарю
Вселенную –
За Ариадну Шенгелая!

Дмитрий СПОРЫШЕВ

«И ВАМ ДАНА СВОБОДА – ВЫБИРАТЬ...»

— Инна БЕЗИРГАНОВА

Недавно уникальному, любимому многими поэту, барду, драматургу Юлию Черсановичу Киму исполнилось 85 лет... В этом монологе он делится бесценными воспоминаниями, мыслями по поводу профессии, рассказывает о своем ярком пути, о том, как происходило его творческое, личностное формирование, о своих встречах с выдающимися соотечественниками, о свободе выбирать...

«ЧИНЧРАКА»

— Хочу рассказать о случайном соперничестве с грузинским драматургом Георгием Нахуцришвили. Это было в 1972 году. Центральный Детский театр – сейчас он называется Молодежно-академический – включил в свой репертуар пьесу Нахуцришвили «Чинчрака», что в переводе на русский означает горный воробей. Вольная, веселая птичка! Этим именем – Чинчрака – народ прозвал героя пьесы, юношу – местного горного скomorоха. Веселого, абсолютно свободного, гордого и смелого. Это было переложение народной сказки на язык детского театра, авторизованный перевод самого Нахуцришвили с грузинского на рус-

ский. Взялся ставить эту сказку хорошо мне знакомый режиссер Леонид Данилович Эйдлин (нас с ним связывала одна очень большая работа, которая была им проделана в Саратовском ТЮЗе – «Недоросль» Фонвизина). Он пригласил меня в эту постановку в качестве автора текста и музыки целого ряда номеров – их было более двадцати. Так сложилось наше творческое содружество, длившееся всю жизнь вплоть до кончины Эйдлина.

Этот вопрос не был согласован с самим Нахуцришвили. Я стал сочинять эти номера, работа шла успешно, весело. Возникла необходимость в интермедиях. Там действовали четверо забав-

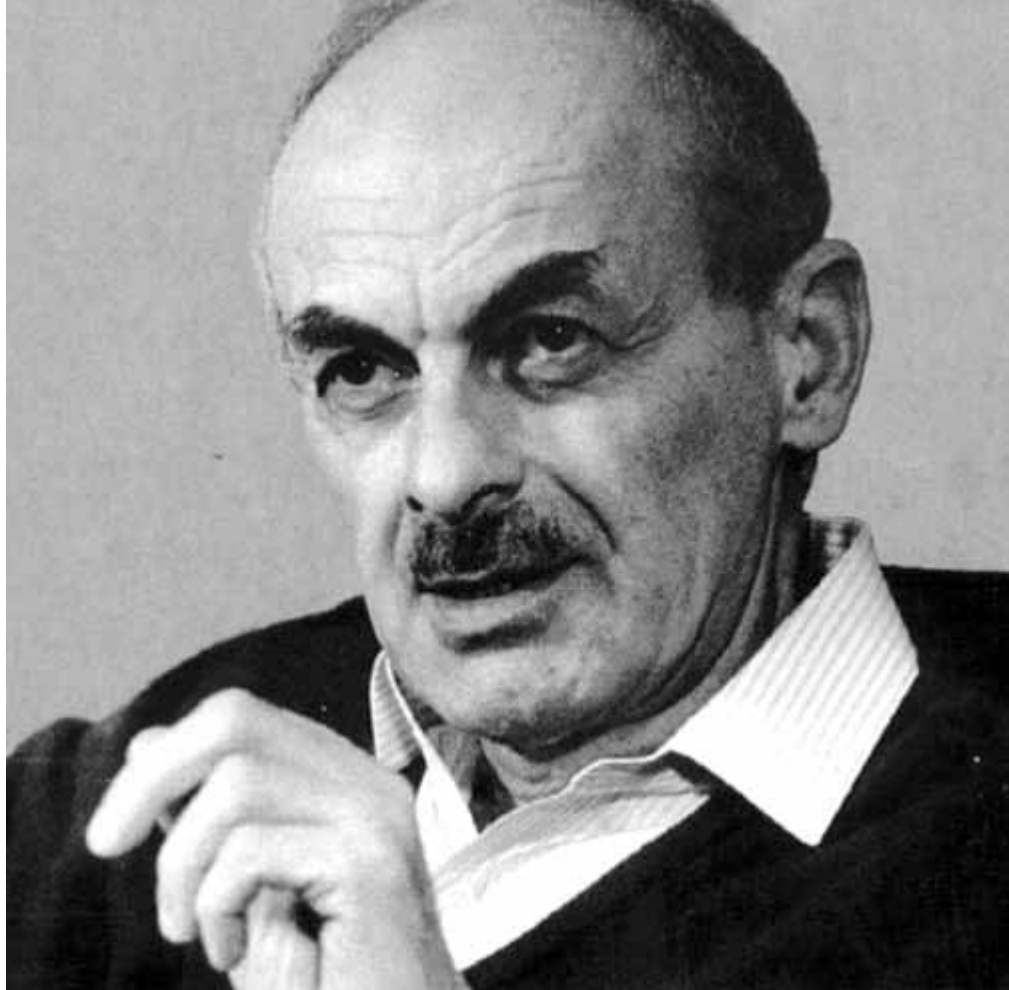
ных лесных животных – шакал, лиса, волк, медведь. Они были придуманы режиссером, поддержаны мной и образовали театр внутри этой сказки: хитрили, помогали героям, мешали злодеям. И у нашего Чинчраки сложилась группа поддержки, которая нуждалась в своем репертуаре – шутках, играх, диалогах, интермедиях. Таким образом я влез в самую ткань пьесы. Получилась драматургия внутри драматургии Нахуцришвили. Героиню – принцессу Лали играла Ирина Муравьева, будущая звезда кино и театра. Она была прекрасна, женственна, талантлива, с исключительным чувством юмора. Так что Эйдлин не выдержал и

женился на ней. Сценографию спектакля создал грузинский художник Кока Игнатов.

Спектакль «Чинчрака» имел в Москве шумный успех. Я лично ходил на него двадцать раз, потому что актеры постоянно импровизировали и каждый раз это было что-то другое, новое. Все было празднично, весело, интересно. К сожалению, спектакль шел всего один год. Потому что в армию ушел исполнитель главной роли Александр Ходченков. В «Чинчраке» он пел, танцевал, был безукоризнен в своей роли.

Так вот... Георгий Нахуцришвили посмотрел спектакль, поздравил всех с успехом и сам принимал поздравления. Что касается интермедий и песен, то он сказал: «Обратились бы ко мне. Я бы все это сделал, что называется, без посторонних!». Но так уж сложилось. Нахуцришвили не предъявлял никаких претензий – ни гонорарных, ни творческих. Имел место случай соавторства, против которого никто не возражал, а театр только радовался.

Что касается музыки, то я сочинял ее сам, думая, что очень хорошо передаю дух грузинских мелодий. Особенно в двух-трех песнях, где, как мне казалось, грузины будут радоваться ужасно тому, что нашелся такой кореец, который так прочувствовал их мелодии, что смог придумать что-то свое в этом же духе. Никто никаких замечаний мне не делал. Все так и пели мои песни как народные грузинские. В Грузии я не был до этого никогда. Вплоть до 2009 года, когда впервые оказался в этой стране вместе с Юрием Ряшенцевым и его женой. Тогда в Грузии проходил фестиваль русских переводов с грузинского, на который были приглашены все, кто этим когда-нибудь занимался. Речь идет о поэзии, но мои сочинения не были переводами с грузинского, а были русским подражанием грузинской поэзии. В этом качестве я и прибыл и на каком-то из выступлений исполнил несколько номеров из «Чинчраки», очень гордясь собой. Гостеприимные и интеллигентные грузины ко мне подходили, пожимали руки и говорили: «Какой молодец! Как хорошо ты сочинил азербайджанскую музыку!». Я, конечно, сначала обомлел, а потом рассмеялся.

Булат Окуджав

Такая вот история с Нахуцришвили. Это сейчас на каждом шагу возникает тяжба относительно авторства, соавторства, вмешательства, невмешательства. С другой стороны, за этим очень тщательно следят, и если кого-то приглашают в соавторы, всегда спрашивают разрешения главного автора.

Так, однажды возник запрет на мои переводы из брехтовской «Трехгрошовой оперы», когда ставить эту пьесу взялся Московский театр Сатиры с Андреем Мироновым в главной роли. Он приезжал ко мне домой, чтобы получить тексты зонгов в моем переводе. Но впоследствии автор классического перевода Брехта на русский язык Соломон Апт посмотрел мои переводы и возмутился. Потребовал, чтобы его фамилия как автора перевода пьесы была с афиши снята. Это означало, по сути, запрет спектакля. Апту не понравилось, как я перевел Брехта. Он ожидал, что будут востребованы его переводы. Дело в том, что я переводил близко по смыслу, но не близко по тексту. Я был вольный стрелок, так что буквального перевода у меня не получалось, да

я к этому и не стремился. А Соломон Апт переводил буквально, и все мои вольности ему не понравились. Это пример несостоявшегося соавторства. Пришлось актерам Театра Сатиры петь его переводы, хотя Миронову так понравились мои переводы, что два из них он все-таки сохранил, а Апт ничего не заметил. Или сделал вид, что не заметил...

БУЛАТ ОКУДЖАВА, ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

– Единственный грузин, с которым я дружил, – это Булат Окуджав. С ним я был знаком нельзя сказать, чтобы очень близко и тесно, но тем не менее можно сказать, что мы с Булатом очень хорошо приятельствовали. Было немало встреч и даже совместных поездок. Булат Окуджав всегда сознавал свою кровную связь с этой землей, с грузинским народом и его искусством. Но назвать его стопроцентным грузином все-таки нельзя. Ни в смысле крови, ни в смысле творчества. Булат был замечательный представитель русской и грузинской интеллигенции. Потому что русская интеллигенция в своей основе интернациональна. Он

Владимир Высоцкий

прожил жизнь со страной, которая называлась СССР. Участвовал в Великой Отечественной войне, сохранил впечатления о ней на всю жизнь – тяжелые и отнюдь не победоносные. Никаких подвигов Булат не совершал, но честно сражался на том участке, куда его ставили. Окуджава из тех людей, которых называют интровертами. Он подпускал людей достаточно близко, но до известной степени. В отличие от Давида Самойлова, с которым я был гораздо ближе, чем с Булатом. Самойлов был хлебосол, охотно вступал в разговор и приглашал поговорить, выпить, попеть... Для Булата же все это было не очень характерно. Он соглашался принимать участие во многочисленных тусовках бардов, будь то концерты, фестивали и т.п. И не соглашаться Окуджава не мог, потому что его невероятный песенный дар созрел в бардовской среде, и в этом смысле он бард с ног до головы. Владимир Высоцкий выступал на этих тусовках крайне редко и только на заре своего бардовского творчества. Потому что оно очень быстро стало для Высоцкого театральным. Любимов только радовался, когда Высоцкий сочинял что-нибудь для его спектаклей. Эти хриплые,

никак не консерваторские голоса... Сразу вспоминается небольшой отряд «таганских» певцов. Боря Хмельницкий, Толя Васильев, Юра Смирнов, Валера Золотухин, Виталий Шаповалов... Все они любили играть на гитаре. Высоцкий был первый среди равных. Так что его бардовство имеет театральные корни. А булатовское – из всеобщего бардовского братства. И он с бардами тусовался достаточно долго и часто. И я смотрел на него... У бардов была привычка в конце, взявшись за руки, петь что-то такое... объединяющее. И они пели либо «Молитву» Вийона, либо «Пока земля еще вертится», либо «Надежды маленький оркестрик...» Они брали Булата за руки, и я всегда чувствовал, как ему это неловко. Его натуре это претило. Булат Шалвович не любил коллективного единomyслия. Это единomyслие было ему соприродно, скажем так. Соприродно его творчеству, звучанию, романтическому призыву «Возьмемся за руки друзья!» Но не соприродно его характеру. С возрастом он все реже и реже появлялся на этих совместных бардовских тусовках, когда все берутся за руки. Вот такой он был человек.

СООБЩЕСТВО БАРДОВ

– В сообществе бардов экстравертом я тоже никогда не был. Это мне барды иногда полусуют, иногда с сожалением или даже с некоторым упреком, или просто с веселым сочувствием отмечали. Я с ними многократно тусовался и сейчас тусуюсь, потому что этой среде я так же, как и Булат, обязан половиной своей жизни. Потому что в ней я возрос как бард. На нее всегда ориентировался как бард. Все мое искусство сочинения музыки было бардовское. Какие-то у меня был изыски, до которых барды не додумывались, а я додумывался, но это были отдельные случаи. А так я совершенно так же, как Юрий Визбор, Александр Городницкий и иже с ними, целиком бардовского производства человек. Как сочинитель песен. Это моя родная среда, из которой я весь вышел. Но по-человечески я не совсем такой. Для бардов обоего пола и всякого возраста характерна любовь к посиделкам, тусовкам возле костра или ночное бдение в комнате общежития. Идеальным воплощением такого барда является Сережа Никитин, которого хлебом не корми, дай попеть всю ночь у костра с коллегами и публикой. Он весь из нее произошел и является ее кумиром, а публика является кумиром для него. И перед ней ему всегда приятно выступать. А моя аудитория, которую я очень люблю, не совсем в этом смысле бардовская. Более того, если собрать всю бардовскую тусовку вокруг какого-то моего концерта, то в мою программу не войдут песни, которые всегда прозвучат, когда я выступаю перед актерами. Мое бардовство изначально приобрело определенное свойство: необходимое условие для моего сочинительства – театральная сцена или экран. Для каких-то героев фильмов, пьес я сочинял, сочиняю и, пока я жив, буду сочинять свои песни. Необязательно под свою музыку. В последние годы, как правило, пишу песни на чужую музыку. Свою я сочиняю уже крайне редко, когда мне очень захочется. А хочется очень редко.

«РЫБА-КИТ»

– Все началось еще в детстве. Я с удовольствием принимал

участие в самодеятельности, когда учился в школе в Калужской губернии. Это была нищая, но очень веселая школа. Эта самая художественная самодеятельность цвела в ней махровым цветом. Во что только мы ни играли, что только мы ни ставили! Я охотно во всем этом принимал участие. Потом переехал в другую школу. Пусть она не была такая веселая, как моя семилетняя, но она тоже была романтическая, юношеская. Это было в Туркменинии, в городе Ташаузе. Там была русская школа номер один, которую я с успехом окончил в 1954 году. И там тоже принимал участие в самодеятельности. А дальше я оказался в педагогическом институте, где был и драмкружок, и своя самодеятельность. Но это прошло рядом со мной, но мимо. В драмкружок я не записался, потому что думал об участии в самодеятельности. Она возникла и исчезала по неизвестным мне законам. И на третьем курсе мы с моими друзьями – одноклассниками решили сочинить капустник. Просочиняли целую неделю, выпили много пива, но ничего толком не придумали. В институте началось, а потом стало развиваться, но еще сильно не увлекло мое песенное творчество. Потому что весь институт уже был бардовский. Возглавлял все это движение человек бесконечно талантливый и неотразимо обаятельный – Юрий Визбор. Рядом с ним расцветал талант его будущей жены Ады Якушевой. Их песни пело все студенчество Москвы. Подрастал Боря Вахнюк – в будущем тоже известный бард. И тут я взялся за гитару и стал сочинять свои песни исключительно как подражательные. Скорее даже дружеские шаржи на бардовскую песню. Либо лирические, либо комические, либо сатирические. Все время с какой-нибудь шуткой. Живые жизненные впечатления. Как я ездил в Ленинград, как я искал грибы, как впервые косил траву, как влюбился в девушку, в другую... Наконец, как меня распределили на Камчатку. Появилась песенка, которую запел весь Советский Союз. Без каких-либо моих усилий, с помощью магнитофона. Она называлась «Рыба-кит». В институте это было главным, что способствовало моему движе-

нию в театр.

А после института я оказался в глухом камчатском поселке, где не было телевизора, но зато был прекрасный клуб на 500 мест. Там целый месяц крутили одно кино, пока не привозили новое. И художественной самодеятельностью просто необходимо было заняться. Тем более, что в школе был замечательный актовый зал... Я взялся за это, засучив рукава. Был сочинитель, исполнитель, режиссер и т.д. Мне охотно помогали учителя. Создали свой кукольный театр, и для него я тоже сочинял. Был и драматургом, и исполнителем, и актером... Занимался всем этим с наслаждением. Мы сочинили две театрализованные композиции, состоящие из песен, с каким-то действием. Одну посвятили местным обычаям и реалиям – называлась «Осенняя путина». Поскольку поселок был при рыбокомбинате, все это хозяйство было мне известно «от» и «до». Все эти капитаны, мотористы, матросы, рыбаки и т.д. учились у меня в вечерней школе. И они же были мои актеры. И старшие классы дневной школы тоже стали моими артистами. Были женский и мужской хоры... «Осеннюю путину» высоко оценила местная начальница: «Вы сами не знаете, что сочинили!». Моя история была в защиту мира.

Солдаты пяти стран договариваются сложить оружие, собрать все пушки в кучу и поджечь...

С удовольствием вспоминаю эти давно прошедшие времена. Свою первую ступень по направлению к профессиональному театру и кино. Поэтому когда после Камчатки я оказался в Москве, то продолжил свои подвиги в школе-интернате А.Н. Колмогорова при МГУ. Это лицей для физико-математических вундеркиндов, которых Колмогоров собирал не в столицах, а в провинции. Для областных, районных и даже сугубо деревенских гениев. Колмогоров умудрялся вытаскивать талантливых из самых глухих мест. Потом они поступали в самые престижные вузы Москвы. Когда я оказался в этой школе, то подумал: мои камчатские дикари скакали со мной на сцене от нечего делать, сколько хотели, а новым ребятам будет не до этого, они меня на смех поднимут. При этом я забыл о том, что это не московские снобы, а провинциалы – как и мои камчатские дикари. И они устремились ко мне с не меньшим энтузиазмом, чем к своей математике и физике. С ними я уже сочинял не простые композиции, а с каким-то сюжетом, с героями, с отношениями, с приключениями. Один сюжет назывался «Весеннее ЧП». Речь, конечно, шла о нашем лицее. О

Юлий Ким

Кадр из фильма ««Улица Ньютона, дом 1»»

вундеркиндах, которым надоело заниматься физикой и математикой, потому что за окном бушует весна. И они мечтают вырваться куда-то на волю. А обстоятельства становятся все теснее, неотвратимее. То ужасный зачет или экзамен, то сочинение на свободную тему. А она одна – «Да здравствует Первое мая!». Все это томит их свободолюбивые души. Нарастает протест, и ребята отправляются в открытое море пиратствовать. У них была своя пиратская песня. Вырывался на сцену огромный талантливый физик Миша Зуев из каких-то Мытищ. С чудовищным выстрелом! И закатывал страшный выстрел из десяти хлопушек конфетти. А потом начинал петь свою ужасную пиратскую песню «Моя натура хочет жить широко, моя натура любит широту...» И вместе с ним вся орава отправлялась разбойничать в открытое море. Но в открытом море была неприятная задача заниматься грабежом, к чему юные физики были совершенно непривычны...

Второй мой сюжет был еще сложнее, там звучали свои диалоги. Все то же бегство из школы. Но на этот раз три вундеркинда сбежали из надоевшей школы в антимир, где все наоборот. Серьезными предметами были футбол, сочинение песен, танцы. Главные дисциплины, которые нужно было изучать. А физика и математика оставались на уровне кубика-рубика. Развлекайся, кто хочет. Это уже была драматургия, я разрабатывал какие-то сюжеты. Был драматургом без дураков. Сочинял все узловые песни, был сочинителем мюзикла в самом серьезном смысле

этого слова, хотя и на местные темы. И это было ближе к капустнику. Но все-таки по структуре – настоящий мюзикл! Когда я встречаюсь с выпускниками тех лет, они охотно исполняют весь этот мюзикл наизусть, причем со всеми внутренними диалогами, которые я уже забыл, а они все еще помнят. В разгар творчества произошло два события. Меня выгнали из школы за то, что я параллельно принял участие в диссидентском движении – подписал целый ряд антисоветских воззваний и обращений. В 1968-69 гг. они вышли за пределы Союза. Когда подобное было адресовано ООН или каким-то другими заграничным организациям, этого уже власть терпеть не могла. Я вдруг оказался на воле, без профессии. Мне было запрещено преподавать и выступать со сцены. А когда я спросил, как же мне зарабатывать, ведь у меня семья, мне ответили: «А мы не возражаем против вашей работы в театре и кино!» И тут я понял, какие они мудрецы. Ведь театр и кино – это всегда работа в коллективе. Здесь подписывать антисоветские воззвания и быть диссидентом – это значит подводить весь коллектив. Хотя ты поступаешь по своей совести, но у коллектива до твоих дел и твоей совести никакого дела нет.

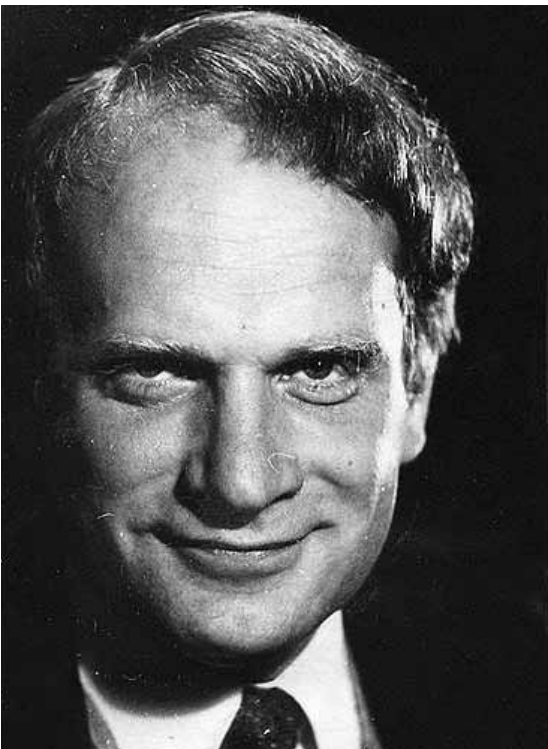
Когда моего тестя, известного участника правозащитного движения Петра Якира, арестовали, меня вызвали на Лубянку, чтобы убедиться в том, что я не собираюсь идти на баррикады. Я их абсолютно в этом успокоил, тем более что у меня были в работе несколько договоров. На «Мосфильме» с перепугу закрыли со

мною все соглашения, а в театрах я продолжал работать как ни в чем не бывало. Все мое умение сочинять песни и события мне очень пригодилось в дальнейшем.

«УЛИЦА НЬЮТОНА, ДОМ 1»

– В 1963 году я получил первое предложение сочинить песню для кино. Я был вхож в художественные мастерские. Обычно там кто только не тусовался! И Евтушенко, и Вознесенский... Это была среда вольного слова, вольной поэзии. Конечно, и в ней были свои стукачи, но воздух там был тот еще. Свободный, веселый, иронический и совершенно антисоветский! Я надышался этим воздухом, и в одной из таких художественных мастерских познакомился с кинорежиссером Теодором Вольфовичем, который на «Ленфильме» снимал фильм о современном студенчестве «Улица Ньютона, дом 1» по сценарию Эдварда Радзинского. У него был там эпизод, где без бардов не обойтись. А я уже был известным бардом с камчатскими школьными песнями и со своим сложившимся, хоть и небольшим, репертуаром. И он меня позвал в кино – сниматься в качестве самого себя вместе с моим другом Юрием Ковалем, в роли заезжего барда на студенческой вечеринке. Тогдашняя студенческая вечеринка без бардов не могла обходиться. И я получил первое профессиональное задание сочинить песню для этого фильма. Кроме режиссера, в съемочный процесс была вовлечена сплошная молодежь. Режиссер успел уже пройти войну, но был моложе всех по духу. Подвижный, веселый, со вкусом, умница. Действительно замечательный был человек!

Так я вошел в профессиональный кинематограф, а через два года получил еще одно предложение в проект под названием «Феерическая комедия». Картину начал снимать классик советского кино Сергей Юткевич по пьесе Маяковского «Клоп» на музыку композитора Владимира Дашкевича – свои мелодии я не сочинял. Вместе мы написали около пятнадцати номеров. Но Юткевич получил инфаркт, фильм был заморожен и так в итоге и не состоялся.

Петр Фоменко

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДЕБЮТ

— В 1968 году я принял два царских предложения из театра. И первое мне сделал великий Петр Фоменко, который ставил «Как вам это понравится» Шекспира в театре на Малой Бронной. Он предложил мне сочинить для спектакля сколько угодно и что угодно. Я погрузился в Шекспира, конечно, в обнимку с самим режиссером. Я сочинил пятнадцать номеров со своими текстами и музыкой. Фоменко очень долго репетировал, и премьера вышла в мае 1969 года. И одновременно я получил предложение из Калининского ТЮЗа, где приглашенным режиссером был Роман Виктюк, впоследствии режиссер с мировым именем. Он ставил спектакль про жизнь старшекласников и знал, что у меня в активе много школьных песенок — хотел воспользоваться какими-то из них. Три вошли в итоге в спектакль, который был выпущен накануне Нового года. Такой вот был у меня театральный дуэлет. Но театральным дебютом для меня был именно калининский ТЮЗ. А дальше пошло-поехало... Появился «Бумбараш», который сразу прославился на весь СССР и вышел на сцену.

МАРК ЗАХАРОВ

— Для меня работа в кино и театре ничем не отличается. Либо я пишу что-то для события, либо для хора, либо для дуэта. Поэтому принципиальных отличий не существует. Всегда предполагается, что актер поет. Но в кино пение легко заменяется закадровым голосом, и хотя на экране рот открывает Наташа Гундарева, то поет Елена Камбурова. Как это было в фильме «Дульсинья Тобосская».

В 1972 году получил совершенно царское приглашение от Марка Захарова — сначала поработать в «Тиле Уленшпигеле» Г. Горина — это был второй спектакль, который Захаров поставил в качестве главного режиссера театра Ленинского комсомола. «Тиль» был напоен воздухом борьбы с несвободой. Тиль — наиболее свободолюбивый из певцов несчастной Фландрии и борется с несвободой в лице Филиппа Второго, инквизиции. Он против всего, что душит свободу, и в итоге оказывается в отряде повстанцев гезов. Остается верен своим клятвам и правде. Недаром Тиль появляется на ярмарке с зеркалом, в котором отражается сущность каждого. Потребовалось сочинить восемь зонгов на музыку Гладкова, я успел сочинить только четыре, когда арестовали моего зятя. И высшее партийное начальство запретило Марку иметь дело со мной. Мы с ним полчаса гуляли по Тверскому бульвару. Он объяснил ситуацию, сказал: «Единственное — я постараюсь оставить твои тексты в спектакле!». Коля Караченцов играл Тиля, это была его звездная роль. Он уже выучил зонги, Инна Чурикова, игравшая Неле, тоже выучила свою песенку... «Ты не будешь особенно возражать, если твоей фамилии на афише не будет? Иначе спектакль закроют!» — спросил Захаров. «Но у меня псевдоним — Михайлов!». «Все знают, что Михайлов — Ким! Нет, это не выход!» В итоге я ответил, что для меня большая честь, если четыре из восьми моих песен прозвучат в спектакле. Так оно и случилось... Получил гонорар, на который купил первую в жизни кожаную итальянскую куртку. С тех самых пор я стал своим человеком в его театре, он

приглашал меня на все свои премьеры. И наконец, дело дошло до последнего случая сотрудничества за четыре года до ухода мастера. Марк Анатольевич позвал меня помочь с песнями для спектакля по Шекспиру «Генрих IV». О молодом самолюбивом, эгоцентричном принце, который по трупам поднимается вверх — предает дружбу, любовь. А поднявшись, начинает казнить всех тех, с кем вместе по молодости разбойничал. Я сочинил несколько куплетов, за что Марк Анатольевич меня совершенно по-царски наградил. Он словно искупал свою вину за «Тиля»...

Хотя уже после «Тиля» Захаров меня и Геннадия Гладкова позвал в пять из шести своих знаменитых фильмов — это «Двенадцать стульев», «Обыкновенное чудо», «Дом, который построил Свифт», «Формула любви», «Убить дракона».

С «Формулой любви» связан один смешной казус. Знаменитая итальянская серенада «Уно моменто» была придумана Геннадием Гладковым вместе с текстом, который представляет собой полную белиберду на якобы итальянском языке. Когда композитору предложили отметить, что текст принадлежит ему, он категорически отказался. Гладков не хотел быть автором белиберды. Он сочинял эту песенку в абсолютно веселом состоянии духа, от балды. Причем сочинял для меня, чтобы я потом взамен белиберды придумал что-то вроде «Здравствуй, здравствуй, дорогая!» Но Марк Захаров сказал: «Ни в коем случае, белиберда

Марк Захаров

должна и остаться!» Так она и осталась...

Кроме композиторов Дашкевича и Гладкова, судьба свела меня с Алексеем Рыбниковым в работе над фильмом «Про Красную шапочку». Все тексты мои, вся музыка Рыбникова. Больше всего народ любит дорожную песенку Красной шапочки...

АКТЕРСКАЯ «КАРЬЕРА»

– Таким образом я поселился в кино. Что касается театра, то я снабжал своими песнями чужие тексты. Вошел во вкус и подумывал, а почему бы мне не сочинять самому. И в 1975 году написал свою первую пьесу для Центрального театра Советской армии по их предложению. В театре не хватало детской сказки. Сразу пришла идея – «Иван-солдат». Мне помог Высоцкий. Я вспомнил его замечательную песню про стрелка, который победил Чудо-юдо. Развеселешая песенка, в которой изложен будущий сюжет моей пьесы. Опальный стрелок, капризный царь, его дочь, которую он предлагает в жены стрелку в случае его победы. Через сюжет Высоцкого у меня появились в пьесе и заморский король, и хитрый пронырливый придворный князь, и Маруся, и ее мать и т.д. Но пьеса так и не была поставлена. Не знаю почему – она, по-моему, очень складная. Пьесой увлекся Михаил Юзовский, снявший по ней фильм «Раз, два – горе не беда!» Он нашел в нем для меня роль китайского врача, который лечит смертельно раненого Ивана-дурака. Дал мне целую реплику. Китайский врач, осмотрев раненого, говорит: «Плехо, очень плехо!» Этим и закончилась моя актерская карьера.

А вот в театре она имела продолжение. Я написал научно-фантастическую притчу, антивоенную пьесу под названием «Ной и его сыновья». В 1985 году ее поставил в театре Станиславского главный режиссер Сандро Товстоногов. Ной в моей пьесе – генеральный секретарь ООН. Высшая позиция, ведь под его властью находится практически весь мир. Точнее, в области его ответственности, а не власти. Генеральный секретарь отвечает за мир и покой

на земле. Он мечтает о мире во всем мире, но когда начинает говорить с конкретными руководителями, каждый утверждает: я за мир, и я за мир, и я за мир... И все указывают на других, как на врагов мира. И Ной в этом ужасе пребывает. Заканчивается все обращением генерального секретаря ООН к самой высокой инстанции – Господу Богу. Это молитва Ноя... В спектакле ЦТСА Господь божественным контральто певицы Маши Иткиной отвечал так:

Но как же так...

Вы знаете давно,
Где свет... где мрак...
что зло и что добро.
И вам дана свобода –
выбирать.

И я ее не в силах отобрать.
Иначе вы не будете людьми.
Иначе невозможно
быть людьми!

Свобода выбора как раз и отличает человека от всего живущего на свете. Ничего мудрее я не придумал, но ничего мудрее и быть не может. Ноя репетировал великий актер Сергей Шакуров. Но к премьере он знал роль только наполовину. А спектакль нужно было выпускать как можно быстрее. И вдруг Шакуров явился на репетицию на костылях: повредил где-то ногу. При встрече я по сей день говорю ему: «Признайся, Сережа, что ты все это придумал, что ты не был готов выступать и нашел способ уклониться!». Но Шакуров клянется, что это не нарочно, что он сам очень переживал. Единственный человек, который мог его заменить накануне премьеры, был я. Потому что знал роль от начала и до конца. Две репетиции – и я вписался в спектакль, во все мизансцены. Хотя я не столько сыграл роль, сколько продекламировал. Но очень старательно. Я заменял Шакурова в этой роли целый месяц. Пока готовился другой исполнитель – замечательный артист Лев Борисов. Он играл эту роль целый сезон и делал это совсем по-другому, чем я или Шакуров. У Борисова получился замечательный образ... А для меня на этом закончилось пребывание на сцене в качестве актера.

МОНТЕ-КРИСТО, ГРАФ ОРЛОВ, АННА КАРЕНИНА...

– На этом кино и театральном пути продолжилась наша дружба с Юрием Ряшенцевым. С ним мы познакомились в 1955 году, когда он только окончил наш институт, а я только поступил. Как старый друг, он позднее помог мне с трудоустройством, когда я приехал с Камчатки. Нашел школу, где я мог бы преподавать – в самом центре Москвы. После самого глухого камчатского поселка я вдруг оказался на улице Горького.

Потом стали проходить ежегодные встречи выпускников нашего института. Все они соединились в одну тусовку и ежегодно собирались в каком-то условленном месте. Сначала в мастерской у Юрия Коваля, потом у Семы Богуславского и т.д. Сейчас собираться практически некому. С Юрой нас еще соединял один и тот же цех сочинителей текстов для музыкальных фильмов и спектаклей. А потом дело дошло до написания либретто и даже целых пьес для этих музыкальных спектаклей. И наши пути опять соединились, когда театр оперетты заказал Юре не только песенные тексты, но и всю драматургию мюзикла «Метро». Это очень молодежное сочинение поляков о подпольной группе рок-музыкантов, которые выступали в метро, на перекрестках. Но потом идеалы молодости рассыпались под напором звонкой и обильной монеты. Юра написал свою пьесу со своими зонгами. На сцене театра оперетты это был первый мощный мюзикл по-настоящему европейского масштаба. По режиссуре, исполнению, техническому оснащению. В театре сложилась своя производственная группа, которая решила не останавливаться и ковать мюзиклы один за другим. Следующим мюзиклом, который они свалили, был «Нотр-Дам». Потребовались переводы зонгов, и тут пригласили всех желающих. Был устроен негласный конкурс, кто лучше всех переведет 51 зонг. Я перевел все, и мои переводы предпочли в 47 случаях. Так я въехал в это производство. Следующие три мюзикла были поставлены по моим либретто: «Монте-Кри-

Встречи старых друзей в Шекветили

сто», «Граф Орлов», «Анна Каренина». Сейчас у меня лежит проект следующего мюзикла.

«ОПЕРА НИЩИХ НА РУССКИЙ МОТИВ»

— Она была сочинена мной в 2019 году как подражание «Трехгрошовой опере» Брехта. Потому что лет двадцать назад я увидел, что времена, которые Брехт отразил в своей пьесе, очень напоминают нынешние. И я сочинил «Оперу нищих на русский мотив». Потому что у Брехта тоже была опера нищих, но на мотивы Курта Вайля и американской жизни. Дело условно происходит в Великобритании, а на самом деле — в Западной Европе или Америке двадцатых годов. Все обстоятельства, тогдашние банкиры. Дикое расслоение между людьми на эксплуататоров, хищников, бандитов и несчастных. Все это у Брехта есть. Но эти процессы царили и царят в современной России. И я подумал, что неплохо перенести сюжет Брехта на русскую почву. В пьесе у меня идут сплошные переключки. К примеру, Мекки Нож — Леха Ствол. Пантера Браун — начальник милиции Полкан (полковник). Дружба с Лехой связана с участием в афганской войне. И у

них своя афганская песня. Такие параллели сплошь и рядом. Сэр Пичем — Жора Цыган, у него целая армия мелких торговцев, которых он крышует, а они на него работают. И тут я потрянул старинной и сочинил свои мелодии. Но достичь прежних своих результатов не смог, могу похвастаться лишь двумя-тремя песенками, которые стоят на уровне моих прежних песенных достижений.

Я совершенно не строго себя сужу, а с полным сознанием того, что происходит. С объективной самооценкой. Если какой-нибудь режиссер послушает мою музыку и возьмется поставить «Оперу нищих», мне больше ничего и не нужно. Я возражать ни в коем случае не буду и скажу: клади договор.

Осуществлению моего замысла помешала пандемия. Потому что в 2019 году я был в очень театральном городе Новосибирске. Мне удалось одновременно встретиться с несколькими режиссерами. Я прочел и спел свое сочинение, и один из них, главный режиссер Новосибирской драмы, на это клюнул и сказал, что весной 2020 года обязательно ее поставит. Чтобы в марте я прислал ему текст. Но меня опередила пандемия. В

марте-апреле я уехал в Израиль по своим медицинским надобностям и надолго застрял там. В Новосибирске театр пока держится, но нет речи о том, чтобы браться за что-то новое.

СИЛЫ И ВДОХНОВЕНИЕ

— Здесь нет ничего запредельного. Это стало профессией, где ясны производственные задачи! К примеру, либретто мюзикла — особенное либретто, нужно продумать драматургию, содержание и качество тестов не только вокальных номеров, но и промежуточных диалогов, дуэтов, монологов, которые иногда не поются, а произносятся. Там есть определенные законы, которые желательно соблюдать. Среди этих законов — забота о внятности и доходчивости текста. Чтобы он был услышан, а через него была воспринята мысль. И чтобы это было подано не банально, не затерто, а свежо. Чтобы это не было повторение пройденного. Все главные истины давно высказаны умными людьми. Их не так много, этих истин. Художнику важно их повторить, но в то же время не повториться.

Санкт-Петербургская Военно-медицинская академия

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Какие удивительные жизненные повороты раздает судьба различным поколениям одного и того же рода! Потомок великого грузинского полководца Георгия Саакадзе, родившегося на границе позднего Средневековья, стал выдающимся российским ученым новейшей истории Иваном Тархановым. Мы будем называть подлинной, не русифицированной фамилией Тархнишвили этого человека, благодаря которому протянулась нить от сражений XVI века к рентгеновским лучам и «детектору лжи» наших дней. А еще примечательно, что впервые мир услышал о нем, когда он был ребенком, причем не от ученых, а от... писателя Александра Дюма-отца. И вовсе не в связи с наукой.

Главкомандующий грузинскими войсками Георгий Саакадзе, прозванный в народе «великий моурави (правитель)», получил за заслуги перед роди-

ной тарханство, то есть освобождение от государственных и феодальных податей. Так возникла двойная фамилия его потомков Тархан-Моурави, часто встречающаяся в истории Грузии. Из трех сыновей полководца во время бесконечных войн уцелел лишь один – Сиауш, от которого и пошел род нынешних Тархнишвили (Тархан-Моурави).

В XIX веке сведения о своем великом предке старательно собирал Рамаз Тархан-Моуравов (еще один вариант русификации знаменитой фамилии). Он даже переписывался с выдающимся историком Платоном Иоселиани, работавшим над биографией Саакадзе. Но вообще-то времени для исторических изысканий у Рамаза Дмитриевича практически не было – вся его жизнь посвящена военной службе. В 1821 году, пятнадцатилетним, он становится прапорщиком Тифлисского гарнизонного батальона и после этого его жизнь

проходит в основном в сражениях.

Он участвует в походах против горцев, воюет с турками, ему еще нет тридцати, когда он получает золотую шпагу с надписью «За храбрость» и орден Святого Владимира 4-й степени с бантом. Он был тяжело ранен и мог бы жить на пенсию, но предпочел вернуться в армию, прослужил многие годы, заслужил еще четыре ордена, в том числе и Святого Георгия 4-й степени, «Знак отличия за 40 лет беспорочной службы» и перстень «с вензелевым изображением Имени Его Величества».

Перед получением генеральского звания, в конце 1850-х, князь Тарханов служит комендантом Нухи (ныне – пригород азербайджанского города Шеки). С ним – сын Ваню, рано потерявший мать и практически 14 лет живущий у отца. Правда, его отдавали в тифлисскую гимназию, но обстановка в ней оказалась столь рутинной, что не по

Иван Тархнишвили

летам развитый, впечатлительный мальчик долго там не продержался и вернулся к Рамазу Дмитриевичу.

Но пользу гимназия все же сослужила: способный к языкам юный князь стал блестяще говорить по-французски и по-русски. Именно это и приносит ему первую известность – не только всероссийскую, но и общеевропейскую. В 1858-м, когда ему идет двенадцатый год, в Российскую империю приезжает «отец» графа Монте-Кристо и трех мушкетеров Александр Дюма. Конечно же, он стремится и на экзотический Кавказ, а в книге об этой поездке много место уделяет юному Ивану Тархнишвили.

О нем писатель услышал, еще только появившись на Кавказе – в крепости Темир-Хан-Шура (сейчас – Буйнакск), от командира Дагестанского конно-иррегулярного полка, князя Ивана Багратиони: «В Нухе найдете Тарханова, он – то, что во Франции вы называете, если не ошибаюсь, парень что надо. Он покажет вам алмазный перстень, подаренный ему императором... Поцелуйте за меня мимоходом его сына, ребенка 12 лет, говорящего по-французски, как вы; вы увидите, какое чудо ума этот прелестный ребенок».

И Ваню поражает французского гостя не только внешней

красотой, экзотической черкесской с кинжалом, но и блестящим французским языком. Он быстро и четко переводит на него и с грузинского, и с русского, будто всю жизнь был переводчиком. И преспокойно сообщает, что лезгины хотят похитить его ради выкупа. Но при всей своей горделивой осанке это – непосредственный ребенок, которого восхищает оружие и влекут военные подвиги. Впрочем, предоставим слово самому писателю, обращающемуся к мальчику не иначе, как «князь».

Вот – несколько отрывков из главы XXXI «Князь Тарханов» книги «Кавказ»:

«У мальчика был сказочный облик, он олицетворял грузинский тип во всей его чистоте и совершенстве: черные волосы, спереди опущенные до бровей, похожие на волосы Антиноя, брови и ресницы черные, глаза бархатные... великолепные зубы.

– Мой отец не говорит по-французски, – сказал мальчик, – вашим толмачом буду я. Отец говорит, что он очень рад видеть вас в своем доме. Я же отвечаю за вас, что вы принимаете гостеприимство, которое он вам предлагает»...

«...И все это было сказано с милыми оборотами речи, которые я стараюсь сохранить, с невероятным в ребенке галлицизмом, – ребенке, рожденном за полторы тысячи миль от Парижа, в Персии, в каком-то уголке Ширвана, ребенке, который никогда не оставял своей родной стороны. Я был удивлен, и действительно, в своем роде это было чудо»...

«Полковник, улыбаясь, встал и вышел. Видно было, что он, старый лев, считал за счастье повиноваться этому молодому голосу»...

«Наши дети, в возрасте этого князька, которому каждую минуту угрожают разбойники, говорившего о рубке голов, как о самой простой вещи, наши дети еще играют с куклами и убегают под защиту своих матерей, когда возвещают им о каком-нибудь страшилище»...

«Я счел обязанностью вознаградить моего милого переводчика и предложил ему не

только осмотреть мои ружья, но и испытать их. Тогда он снова сделался ребенком, кричал от радости, бил в ладоши и первый спустился бегом с лестницы... Моему юному князю хорошо были известны обыкновенные двухствольные карабины и ружья. Но чего он еще не знал и что привело его в изумление, так это ружье, которое заряжалось казенным винтом. С удивительной сметливостью он немедленно понял механизм коромысла и выделку патронов. Всего любопытнее было то, что он слушал мои объяснения, опершись на большого ручного оленя, который тоже как будто интересовался этим»...

«Он выстрелил еще – и пуля ударила прямо в бумажку.

– Не говорил ли я вам! – вскричал я.

– Разве я попал в бумажку? – спросил он.

– В самый центр. Посмотрите.

Он бросил ружье и побежал. Я никогда не забуду этой прекрасной детской фигуры, принявшей вдруг мужественное и горделивое выражение. Он обернулся к князю, который следил за малейшими деталями этой сцены.

– Отец, – кричал он, – ты можешь взять меня с собой в поход, ведь я теперь умею стрелять из ружья!

– Через три или четыре ме-

Герб князей Тархан-Моурави

Городок Нуха в XIX веке

сяца, милый князь, – сказал я ему, – вы получите из Парижа точно такое же ружье, какое у меня.

Ребенок протянул мне руку.

– Неужели?

– Даю вам честное слово.

– Я уже любил вас прежде, – сказал он мне, – но еще более полюбил вас с той минуты, как познакомился с вами.

И он прыгнул мне на шею.

Милое дитя! Непременно ты получишь ружье, и пусть оно принесет тебе счастье»...

«На протяжении всего великолепного путешествия по России сердце у меня сжималось только дважды при двух прощаниях. Пусть милый князь Иван возьмет на свой счет одно из них, а у кого есть память, возьмет на себя другое».

После этой встречи проходит пара лет, и отец отвозит Ивана в Санкт-Петербург, в новую

жизнь. Год мальчик проводит в частном пансионе некоей госпожи Шахсеевой, а потом переселяется к родственникам. И начинается ответственная пора – подготовка к поступлению во 2-ю петербургскую гимназию.

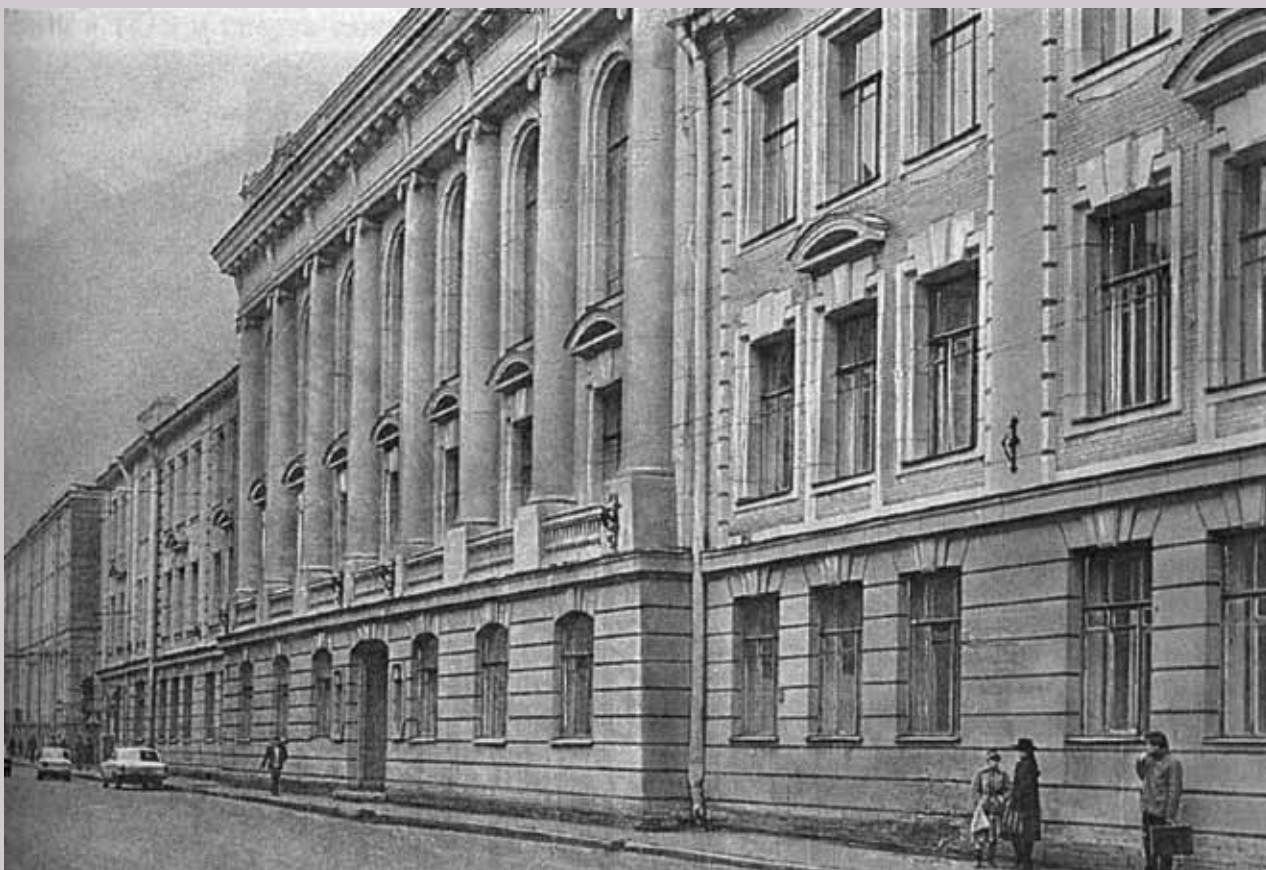
Это – не рядовое учебное заведение. Старейшая в России государственная гимназия и по сей день сохранила богатейшие традиции, на которых построена современная система образования в стране. Легко понять, что парень занимается с репетиторами, а репетиторством в то время массово подрабатывают студенты. Так Иван встречается с Виссарионом Гогоберидзе, студентом физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета.

Этот молодой человек оказывается народовольцем, близким другом революционеро-

Александр Дюма-отец на Кавказе

Знаменитая 2-я петербургская гимназия

демократов, «великих русских критиков-шестидесятников» Николая Добролюбова, Николая Чернышевского и Дмитрия Писарева. А еще – земляков: публициста Григория Церетели, побывавшего в Петропавловской крепости за участие в антиправительственной демонстрации, и либерального просветителя Нико Николадзе. Так что есть у кого набраться вольнодумства...

Тархнишвили не только поступает в знаменитую гимназию, но и в шестнадцать лет, в 1863-м, блестяще сдает экзамены на аттестат зрелости. Он мечтает стать врачом, но по настоянию отца поступает на естественное отделение физмата Санкт-Петербургского университета. На этом отделении его особенно привлекают лекции академика Филиппа Овсянникова по гистологии – разделу биологии, изучающему строение и развитие тканей живых организмов.

Но еще больше привлекает его другое знаменитое высшее учебное заведение – Имперская медико-хирургическая академия (ИМХА), сегодня –

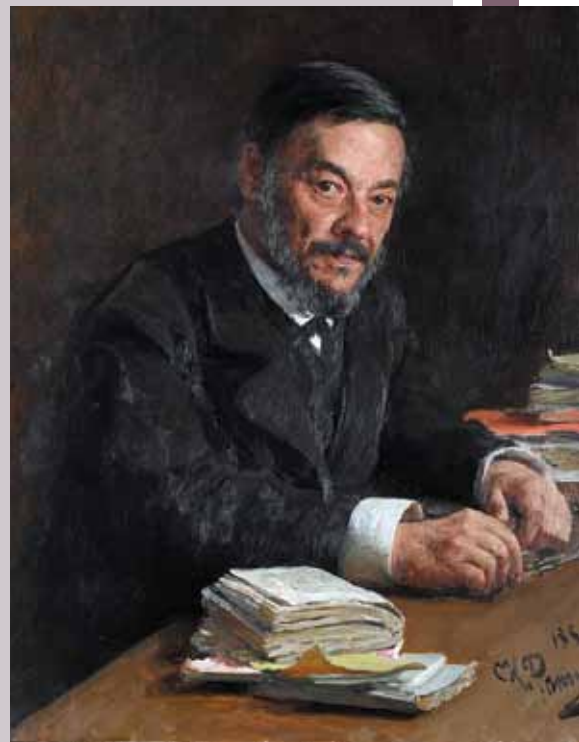
Военно-медицинская академия, почему-то носящая имя Сергея Кирова. Который никакого отношения к врачеванию не имел, скорее, наоборот. В то время ИМХА готовит врачей в основном для военного и морского ведомств. А Тархнишвили, вопреки желанию отца, влечет туда то, что в академии читает лекции сам «отец русской физиологии» Иван Сеченов.

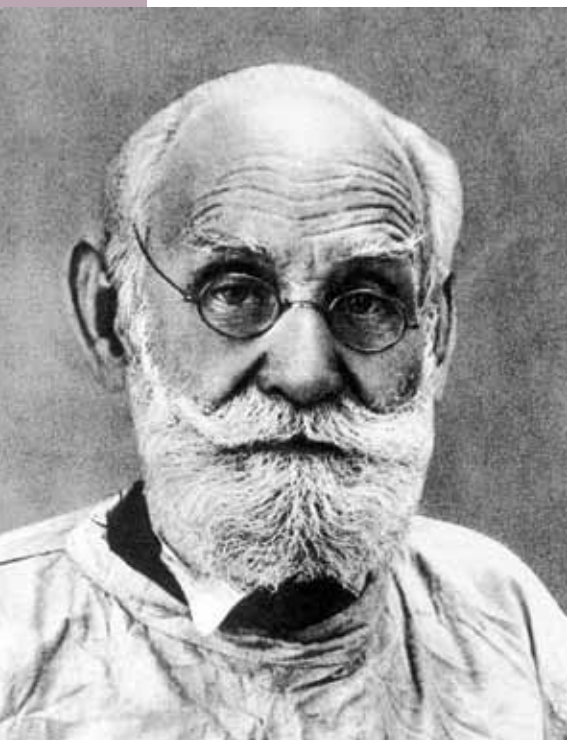
Но недаром говорят, что не было счастья, да несчастье помогло. Идеи революционеров-демократов, посеянные репетитором-народовольцем, приводят студента в апреле 1864-го на политическое выступление и его отчисляют. Однако официальной причиной этого называется неуплата за учебу, так что из столицы его не высылают, и тот поступает в столь желанную академию.

Сеченов вскоре замечает его старания, отличную подготовку и доверяет ему проведение самостоятельных экспериментов. И это дает настолько интересные результаты, что студент из Грузии в 1868 году выступает с докладом о них на 1-м съезде естествоиспытателей.

А через год, перед блестящим окончанием академии, публикует еще работы о своих исследованиях. Так что никто не удивляется, что его оставляют при академии.

И. Репин. П-т Ивана Сеченова

Иван Павлов

Он получает степень доктора медицины за полгода и сдав соответствующие экзамены и защитив диссертацию, а затем, в 1871-м, едет на родину – умер отец, и надо привести в порядок дела, которые не завершил бравый воин. В Тифлисе 25-летнего доктора медицины встречают восторженно: из прессы уже известно о его успехах. Мало того, он получает предложение не только прочесть для широкой аудитории лекции по физиологии, но продемонстрировать опыты. Этим лекций – пять, на них приходят около 400 человек – беспрецедентное явление для Тифлиса тех лет.

Так лекции молодого ученого становятся настолько крупным событием, что оно сыграет значительную роль в дальнейшем развитии в Грузии естествознания и медицины. Тархнишвили сумел донести до слушателей, что все жизненные процессы зависят от внешней среды, а открытия в физике и химии имеют решающее значение для медицинской науки. Через год под названием «Роль нервной системы в движении животных», он публикует свои лекции в качестве дополнения к журналу «Кавказский Медицинский Вестник». И у многих его земляков пробуждается стремление к изучению естественных наук

в университетах России или Европы.

А сам он, вернувшись в Санкт-Петербург, уже не может работать с Сеченовым. Тот покинул академию, в которой преподавал 10 лет с перерывом на годичный отпуск, и организовал одну из первых в России физиологических лабораторий. Его возмутили изменения в уставе академии, запрещающие женщинам посещать лекции и практические занятия, и то, что был забаллотирован предложенный им на вакантную должность заведующего кафедрой зоологии 24-летний Иван Мечников (будущий лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины 1908 года).

Оставшись без руководителя, Тархнишвили работает в академии самостоятельно. И не только в физиологической лаборатории, но и в клинике знаменитого врача Сергея Боткина. А в 1872-м его командируют за границу «для усовершенствования в физиологии». И больше двух лет встречается с ведущими учеными, знакомится с лабораторным оборудованием и системами обучения. Сам занимается исследованиями в Страсбурге и Лейпциге, Берлине и Гейдельберге, Лондоне и Вене, Цюрихе и Париже.

В результате поездки и в зарубежной, и в российской научной литературе появляются публикации с интереснейшими

результатами этих исследований. Вернувшись, Иван Рамзевич представляет администрации академии 15 работ, выполненных в командировке, и в ноябре 1875 года получает звание приват-доцента физиологии. В следующем году он избирается экстраординарным, а еще через пару лет – ординарным профессором кафедры физиологии.

Этой кафедрой он руководит ни много ни мало – 18 лет, с 1877 по 1895 годы. За это время под его руководством обучены не только военные слушатели академии, но представители различных научных учреждений многих городов страны, подготовлены свыше 60 диссертаций и около 240 крупных научных работ. И в 1892-м ему присваивается звание академика, и он избирается ученым секретарем академии, которая уже называется Военно-медицинской.

В историю медицины он входит в первую очередь открытием психофизиологии и радиобиологии. Он первым в мире задокументировал изменения электрических потенциалов кожи при отсутствии внешних раздражителей и разработал измеритель для наблюдения за ними. Этот метод, регистрирующий слабый ток, производимый телом, по сей день используется для измерения кожного потенциала. Причем не только в прикладной психофизиологии, но и

И. Тархнишвили в рабочем кабинете

Илья Репин

в работе полиграфа, «детектора лжи».

А через несколько недель после открытия рентгеновских лучей он приходит к выводу, что они не только фотографируют, но и «вливают на жизнедеятельность». И его работы об этих лучах в биологии и медицине становятся основой для новой области науки – радиобиологии. Он первый настаивает на том, чтобы рентген применяли с предохранительной ширмой из алюминия. И первый говорит о возможности применения лучей в лечении злокачественных опухолей и в судебно-медицинской практике.

Работы его многогранны – о механизме светящегося аппарата светлячка, об определении массы крови на живом человеке, а исследовав физиологию сна, он констатирует:

«Во сне не спят находящиеся в мозгу центры дыхания и кровообращения, не спят центры речи, ибо во сне мы разговариваем, не спят центры внимания, слуха, обоняния, не спит, наконец, мозжечок, о чем свидетельствуют чудеса эквилибристики, проявляемые лунатиками. Так что же тогда спит? Спят только центры, в которых сосредоточено наше сознание. Все остальное работает, и даже интенсивнее, чем днем. На самом деле сознание то спит, то

бодрствует. Если бы это было не так, человек не смог бы вспомнить свои сновидения».

Его книга 1886 года «Гипнотизм, внушение и чтение мыслей», переведенная и переизданная во Франции, становится одним из первых исследований гипнотического внушения и вызывает огромный интерес по всей Европе. Его объемистая монография «Курс физиологии» выдерживает два издания. А последняя книга – «Дух и тело» (1904-й) так рассматривает взаимодействие психических явлений и физиологических процессов в организме человека, что ее переиздают в Москве в 2010 (!) году.

Фактически это – суть всего научного наследия Тархнишвили за десятилетия блестящей деятельности. В слово «дух» он вкладывает сугубо психическое значение и рассматривает это понятие в аспекте физиологических процессов. Речь идет о взаимоотношении организма с внешней средой, описываются сознательные и бессознательные психические акты, на строго научной основе исследуется взаимосвязь духа и тела.

Одновременно с собственными работами он переводит с иностранных языков статьи и учебники по медицине и физиологии. Он создает школу врачей-исследователей разных специальностей, вырастившую

выдающихся физиологов. И в 1892-1904 годах публикует около 160 статей по физиологии и медицине в томах от Б до Я в знаменитом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

Вообще, популяризация науки – его конек: масса научно-популярных изданий и журнальных статей знакомит людей, далеких от медицины, с достижениями физиологии, психологии, биологии, гигиены. Тархнишвили и редактирует медицинские периодические издания, и читает популярные лекции в Народном университете и Педагогической академии. А в 1905 году популярный журнал «Знание и жизнь» публикует его статьи «Внушение», «Гипнотизм и чтение мыслей» и «Телепатия и беспроволочный телеграф», вызывающие интерес и сегодня.

Заслуги этого человека признают и за рубежом. Он постоянно участвует в международных конгрессах физиологов, избирается действительным и почетным членом обществ физиологов многих стран Европы и Америки. А за работы, представленные на Всемирной выставке в Париже, он получает высшую награду родины его детского кумира Александра Дюма – орден Почетного легиона.

При всем этом Иван Рамазович вовсе не замкнул на науке.

Стоят: И. Репин, В. Стасов, Л. Андреев, М. Горький, И. Тарханов

И. Репин. П-т Елены Тархнишвили-Антокольской

Огромный интерес и научной, и литературной общественности вызывает его статья с интригующим названием «Герои «На дне» Максима Горького, с биологической точки зрения». Прямо скажем, оригинальный подход к популярным героям. А с автором этой пьесы Тархнишвили дружит, как и с другими выдающимися представителями науки и культуры того времени.

Кроме Горького, среди его близких друзей – композитор и химик Александр Бородин, скульптор Марк Антокольский,

писатель Антон Чехов, врач Владимир Бехтерев, химик Дмитрий Менделеев, художник Илья Репин, представивший два портрета Тархнишвили на выставки передвижников... А на племяннице Антокольского, тоже скульпторе Елене ученый женится.

Нина Чернышевская-Быстрова, внучка Чернышевского, вспоминала: «Тарханов принадлежит к кругу лиц, окруживших глубокой сердечной добротой и заботой семью Н. Г. Чернышевского после его гражданской казни и ссылки в Сибирь». Вместе с Нико Николадзе ученый хлопочет об освобождении Чернышевского, вместе с академиком-литературоведом Александром Пыниным заботится о сыне сосланного публициста.

А вот об отношениях с другим выдающимся коллегой Иваном Павловым – особый разговор. Поначалу они попросту не складываются. После того, как в 1877 году Тархнишвили возглавляет кафедру в академии, место его ассистента предлагают Павлову, но тот демонстративно отказывается, хотя раньше претендовал на эту должность. Говорили, что новый завкафедрой не импонировал ему как научный руководитель.

Такое не забывается. Через шесть лет Павлов защищает диссертацию на тему «Центробежные нервы сердца» и оппонент Тархнишвили делает серьезные возражения против «небрежного отношения» к литературе, написанной по теме

диссертации. Павлов не указал его работы и получает отзывы: «Читающий получит впечатление, что до вас ничего не сделано»... «Скромность в ученом – высшее качество»... «Способы исследования, употребленные автором, крайне примитивны»...

Советский физиолог Петр Анохин, изучивший материалы о защите той диссертации, считал, что рецензент был излишне строг: «...Неприятно чувствовалась в каждом возражении; врачи, присутствовавшие на защите, которым Павлов помогал при выполнении диссертаций, старались успокоить своего любимца тем, что сочли придирки Тарханова завистью». А сам Павлов по дороге домой никак не может успокоиться: «Ну, конечно, он не прав. Он же не понял дела. Нет, ему в самом деле досадно, вот он и придирается».

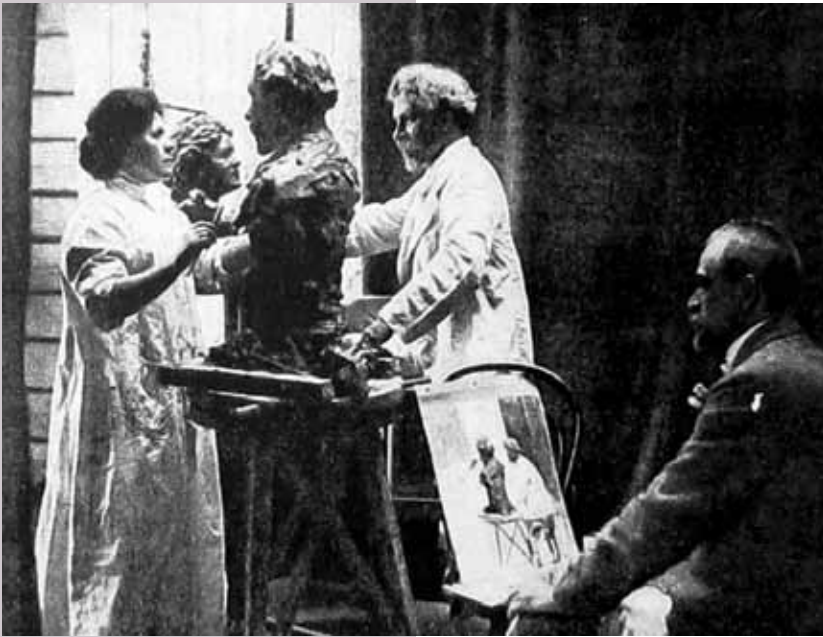
Потом следует продолжение. Павлов посылает три работы на конкурс академической премии имени митрополита Московского и Коломенского Макария, а в них снова нет ни одного упоминания о работах Тархнишвили. И тот дает отрицательный отзыв, из-за которого Павлов премию не получает. На этом конфликт исчерпан, в дальнейшем отношения между двумя выдающимися учеными восстанавливаются.

В 1890 году Павлова представляют на должность заведующего кафедрой фармакологии, но профессор химии Николай Соколов дает отвод: это не по специальности физиолога. Тархнишвили – среди защитников Павлова, который кафедру все-таки получает. Затем Иван Рамазович участвует в «павловских средах» – научных беседах и дискуссиях единомышленников. Ученые встречаются на заседаниях Общества русских врачей в Петербурге и без всякой неприязни выступают в прениях. А в 1895 году на 25-летию научной деятельности Тархнишвили от имени Института экспериментальной медицины юбиляра поздравляет именно Павлов.

Тот год становится и грустной вехой в жизни ученого. Независимый и зачастую резкий, отстаивающий передовые взгляды

Супруги Тархнишвили в гостях у Репина

Е. Тархнишвили-Антокольская и И. Репин лепят бюсты друг друга

на биологическую и социальную природу человека, Тархнишвили не устраивает многих в руководстве академии, погрязших в рутине. Начинаются интриги, на метод «Определения объема массы крови» ополчаются коллеги-завистники, в газете «Новое время» и в журнале «Врачи» разворачивается травля, появляются анонимные очерняющие письма.

В итоге в марте 1895-го ученого, еще не достигшего 50-летнего возраста, увольняют «за выслугу лет». Тут же его

Надгробный памятник И. Тархнишвили

приглашает приват-доцентом Санкт-Петербургский университет, где он читает лекции по биологии и общей физиологии до самой своей смерти. А вообще-то, жизнь его совсем не похожа на пенсионерскую.

Иван Рамазович проводит занятия на Курсах воспитательниц и руководительниц физического образования, где становится первым руководителем кабинета физиологии. Публикует около 250 популярных статей на самые разные темы: здоровье, гигиена, образование, радиационная безопасность. Есть даже такие особо привлекающие читателей названия, как, «Что полезнее, вода или вино?» и «Академия наук и цензура».

Пенсионер в 1896 году даже командировается в Англию, чтобы собрать материалы для организации Народного университета и высшего медицинского образования женщин. Участвует он и в создании Педагогической академии. Но все-таки то, что его лишили привычной рабочей обстановки, лаборатории, которой он отдал столько сил, сказывается на его здоровье.

Он неожиданно уходит из жизни в 62 года, в дачном доме, построенном под Краковом. Сначала его хоронят на кладбище этого города, а затем прах переносят в Петербург, на Тихвинское кладбище Александроневской лавры. И множество

людей провожает его на Варшавском вокзале в последний путь – на берега Невы. На панихиде у гроба прочувствованную речь произносит Павлов, затем председательствующий в Петербурге на торжественном заседании в Обществе русских врачей, посвященном памяти Тархнишвили.

Сооружением надгробного памятника ведаёт специальный общественный комитет, в который входят Репин, Павлов и другие, как бы сейчас сказали, звезды науки и искусства. Памятник возводится на средства, собранные Грузинской колонией в Петербурге – фигуры Ивана Рамазовича и плачущей женщины. Автор памятника – вдова

Памятник И. Тархнишвили в сквере Тбилисского государственного университета

ученого.

Сейчас на родине первого грузинского физиолога его имя носит премия, присуждаемая раз в два года, а в сквере перед корпусами Тбилисского государственного медицинского университета стоит памятник потомук Георгия Саакадзе, сыгравшему столь важную роль в единении грузинской и русской науки и культуры.

«ГРУЗИЯ – СТРАНА ЧУДЕС!»

Здесь история, причем написанная не чернилами, а кровью многих поколений грузинских мучеников, смотрит на нас отовсюду.

Дмитрий СПОРЫШЕВ

Храм святого Александра Невского на улице Марджанишвили в центре Тбилиси хорошо известен как жителям города, так и его гостям. У храма похоронен известный подвижник благочестия схиархимандрит Виталий (Сидоренко), который долгое время служил в этой церкви. К его могиле тянется нескончаемый поток верующих, паломников, туристов, которые вне зависимости от своего отношения к религии или, шире говоря, духовного опыта, обращаются к отцу Виталию с просьбой о помощи в самых разных нуждах. С 2012 года храм возглавляет протоиерей Бидзина Гуния, профессор Тбилисской Духовной академии, известный духовник и специалист по литургике. С ним служат и другие священники, в том числе недавно приехавший из Москвы протоиерей **Владимир Александров**, у которого в эти январские дни, а точнее пятого января юбилейная дата – тридцать лет со дня рукоположения во священники. Батюшка справляет торжество скромно, на службе, но каждый, кто знаком с ним, узнав о такой, можно сказать, значительной дате, спешит его поздравить. Русский Клуб тоже не смог остаться в стороне и сердечно поздравляет батюшку, которого так полюбили не только прихожане, но и любой человек, кто с ним хоть раз встречался... Батюшка обладает прекрасным даром общения, будь то ребенок или взрослый, даже часто можно наблюдать, как отец Владимир беседует с людьми, которые и не говорят по-русски, слушают его, но все понимают. Отца Владимира можно увидеть не только в храме, но и в пантеонах захоронений деятелей культуры. Вот совсем недавно, в день рождения Котэ Махарадзе, батюшка отслужил панихиду над могилой замечательного мастера слова. А любовь к грузинской поэзии – ее вообще скрыть невозможно. Батюшка в свободное от служения время занят переводами стихотворений грузинских поэтов. Да, и у самого батюшки есть свои стихотворения, есть и проза, и публицистика. Отец Владимир, когда выпадает возможность, ездит по стране в самые

Протоиерей Владимир Александров

удаленные монастыри, и конечно же вписывает братию в списки своего синодика, а затем возвращаясь в Тбилиси, поминает всех за Божественной литургией.

– Отец Владимир, как случилось, что Вы, священник Русской Православной Церкви, оказались в Грузии?

– С любовью приветствую читателей «Русского клуба». Давно слежу за вашим изданием и рад, что вы уделяете много внимания людям, представляющим здесь, в Грузии, Россию. Очень хорошо, что и Русская Церковь нашла свое место на ваших страницах. Чтобы ответить на ваш вопрос, начну немного издалека. После восстановления автокефалии (церковной независимости) Грузинской Православной Церкви и налаживания отношений с Московским Патриархатом, часть русских церквей в Грузии, перейдя в каноническое подчинение местной церковной власти, сохраняла свои богослужебные традиции, прежде всего, язык. С течением времени в Тбилиси осталось два таких храма: апостола Иоанна Богослова и благоверного князя Александра Невского и большая часть русскоговорящих верующих стала посещать именно эти церкви. Естественно, что священникам, служащим в этих церквях, необходимо не только знать язык,

но и, по возможности, быть знакомыми с русским богослужебными традициями. Поэтому появление русского священника в Тбилиси вполне укладывается в эту парадигму. Надо сказать, что Православная Церковь, в отличие от Католической, построена по принципу Церквей-Сестер. Всего в мире 15 Поместных Православных Церквей: Русская, Грузинская, Сербская, Элладская и другие. В отношениях Церквей возникают вопросы, которые обычно решаются достаточно просто. Так вот, для освещения позиции Русской Церкви, решения текущих проблем, сюда и был направлен представитель Московского Патриархата. Таким образом, у русского священника, служащего здесь, две основные задачи: духовное окормление соотечественников и представление позиции Русской Православной Церкви перед Священноначалием Грузинского Патриархата. Надо сказать, что и в Москве аналогичную миссию выполняет священник Грузинской Церкви протоиерей Кахабер Гогтишвили. Кроме него, в Москве служат также представители Церквей Сербии, Чешских земель и Словакии, Америки и другие. Соответственно и в этих странах несут послушание священники Московского Патриархата. Я – не первый священник из России, приехавший в Грузию.

На службе в храме

В 2010-2011 годах в Иоанно-Богословском храме служил архимандрит Роман (Лукин), который сейчас стал архиепископом Якутским. Уверен, что многие читатели «Русского клуба» помнят отца Романа: несмотря на недолгое служение он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. А что касается меня лично, то вот уже около 20 лет я несу церковно-дипломатические обязанности и в России, и за ее пределами. Служил во Вьетнаме, Венгрии, Исландии, Косове, других странах, последние годы работал в Отделе внешних церковных связей Московского Патриархата, где отвечал за контакты с Грузинской Церковью. Поэтому приезд на служение в Грузию – закономерный шаг в моей жизни.

– **«В Грузию нельзя не влюбиться», – так говорят многие, побывав здесь. А что бы добавили к этим словам вы?**

– Грузия – удивительная страна. Если в Москве ты восхищаешься храмами XV века, а про XII, XIII или XIV и говорить не приходится, то здесь VI век – как бы в порядке вещей. Здесь история, причем написанная не чернилами, а кровью многих поколений грузинских мучеников, смотрит на нас отовсюду. Здесь каждый человек не просто гордится своими предками, а может про них и рассказать, и показать. Здесь

радушие и доброжелательность к гостю не знает границ. Здесь даже в самых простых семьях можно услышать мастеров пения или игры на музыкальных инструментах. Здесь действительно – страна чудес...

– **Все так прекрасно?**

– Ну, положим, не все. Смотрю как-то вечером телевизор с прогнозом погоды. Время 9 часов вечера, на улице +31°. Днем было +38°. И симпатичная ведущая на полном серьезе говорит: «Завтра в Тбилиси ожидается похолодание, до +34°». Как говорится, без комментариев.

– **С какими трудностями вам пришлось столкнуться в Грузии?**

– Конечно, язык. Лишь спустя три года я начал понемногу читать грузинские тексты. И то не все. Иногда создается впечатление, что 90% наших прихожан профессиональные медики. Их почерк, даже русский, разобрать можно с огромным трудом. А что говорить про «рукописные» грузинские буквы. Наши тещы, всю жизнь прожившие в Тбилиси, с трудом понимают эти символы. Большая проблема – произношение. Знаменитая фраза: «Лягушка квакает в пруду» до сих пор остается для меня непреодолимой вершиной. Конечно, за богослужением я стараюсь произносить возгласы на грузинском языке, читать на нем Евангелие, но, скажу честно, даже до приемлемого уровня пока не дотягиваю.

– **А вы можете сравнить русский и грузинский характер, прежде всего с духовной точки зрения.**

– Честно говоря, лучше сравнивать с каким-нибудь западно-европейским. Наши страны, Россия и Грузия, выросли на Православии, поэтому у них гораздо больше общего, чем различий. И там, и здесь люди во многом живут немного мечтательно, но при этом крепко стоят на ногах. Иное дело в Европе. Там царствует протестантская этика: если ты богат, достаточен, состоялся в жизни – значит Бог тебе помогает. И наоборот: если у тебя проблемы – значит, ты нагрешил. Простой пример: в Швеции, где дове-

лось довольно долго служить, на окнах нет занавесок. Когда я спросил, почему, шведы долго на меня удивленно смотрели, а потом объяснили. Если у тебя есть занавески, значит, тебе есть что скрывать. А если тебе есть что скрывать, то жди в гости налогового инспектора...

– ???

– Да, именно его. В Швеции тягчайшим преступлением, сравнимым разве что с покушением на убийство короля, является уклонение от уплаты налогов. Причем часто это доводится до абсурда. Один наш соотечественник, добрый малый, переехал в Швецию. Голова у него на месте, руки тоже, он быстро состоялся, открыл фирму, дела пошли в гору, он купил себе дом и решил сделать ремонт. «Зачем кого-то приглашать», – подумал он. – Сам справлюсь». И действительно, сам поставил окна, постелил ламинат, сделал электропроводку. Вдруг через месяц-другой он получает счет из налоговой инспекции. Счет немаленький, пошел разбираться. Дальнейший диалог стоит привести полностью.

– Вы такой-то, проживаете там-то?

– Да, вот документы.

– Вы делали ремонт в доме?

– Да, делал: пол, окна...

– Вы кого-то приглашали?

– Нет, зачем, я сам все сделал.

– Вот видите, Вы не приглашали рабочих, не заплатили им за труды, они с этой суммы не заплатили налоги. Поэтому пришлось нам самим рассчитать объем их возможных трудов и, исходя из этого, начислить вам необходимые налоги. Так что извольте заплатить.

Такое немисливо ни в России, ни в Грузии. Здесь человек – самое главное достояние, поэтому так близки наши народы, так дороги они друг другу.

– **Благодарим вас за то, что нашли время ответить на наши вопросы. Желаем вам всего самого наилучшего в вашей гражданской и церковно-дипломатической деятельности.**

– Божие благословение всем читателям «Русского клуба».

МЕСТО ВСТРЕЧИ – ТБИЛИСИ

Соб.инф.

Прекрасная идея, как это часто бывает, лежала на поверхности.

Подумалось – а не вспомнить ли нам о том, что на протяжении веков Тбилиси всегда был счастливым местом встреч русских и грузинских деятелей культуры? Так почему бы не встретиться снова? Условно говоря – в «Доме под чинарами» (так когда-то именовался легендарный русскоязычный альманах, много лет издававшийся в Тбилиси)?

Сказано – сделано. И вот в октябре-ноябре прошлого года «Русский клуб» организовал и провел серию творческих встреч с видными деятелями искусства и науки под «говорящим» названием «Беседы за круглым столом».

Скажем сразу – проект, подержанный Фондом «Русский

мир», вызвал большой интерес общественности и стал заметным явлением в культурной жизни Тбилиси. Встречи проходили при полных аудиториях и широко освещались в СМИ. Информационную поддержку проекту оказали ИА Sputnik Грузия и ИА Regnum.

Первым участником «Творческих встреч» стал известный санкт-петербургский артист театра и кино, педагог Олег Пальмов.

19 октября, в день 210-летия Царскосельского лицея, на сцене Тбилисского государственного академического русского драмтеатра имени А.С. Грибоедова Олег Пальмов представил свой авторский моноспектакль «Я вас любил... Я вас люблю...» В основу спектакля вошли воспоминания и письма А.С. Пушкина и его современников, лирические стихотворения поэта и повесть «Метель». «Метель» стала, как говорится,

«вишенкой на торте», тем более что Олег Пальмов не просто замечательно исполнил произведение любимого поэта – он показал свою версию повести. Как объяснил сам артист, «я очень упираю на чувство собственного достоинства Пушкина, чувство чести, которые он всю жизнь всячески оборонял, от чего подчас и случались его многократные дуэли, в которых он никого не ранил и не покалечил, а обычно стрелял, как тогда говорили, «на воздух».

На следующий день в мультимедийном пресс-центре Sputnik Грузия состоялась пресс-конференция Олега Пальмова, на которой он поделился своими первыми впечатлениями: «Я не могу говорить за зрителя, но я чувствовал очень хорошую атмосферу в зале. По ходу спектакля зрители неоднократно награждали меня аплодисмента-

Олег Пальмов

ми... Вообще то, что я ощущаю в Тбилиси, – это очень дорогое качество – искренность и открытость, от которых, к сожалению, начинаешь отвыкать. А это, мне кажется, основа основ, поэтому я тоже, насколько мог, старался быть искренним. Эта «вольтова дуга» между актером и публикой вчера существовала... Какие у меня ассоциации с Грузией? Это прежде всего ее талантливый народ, который так замечательно поет. Это великий кинематограф – мы засматривались грузинскими короткометражками. Это Роберт Стура и его «Ричард Третий» – великий спектакль. Я в восторге от Тбилиси. Очень колоритный, нерасхожий, самобытный город. Обходительность, открытость местных жителей очень подкупает. Этот бегущий, летящий город с его кривыми улочками вряд ли теперь забудется. И хотя я уже был здесь много лет назад, на съемках, но могу сказать, что по-настоящему в Грузии я впервые побывал именно сейчас. Я буду вспоминать о ней с удовольствием».

Вторая встреча Олега Пальмова с тбилисской публикой прошла в Рояльном зале Секции интересов РФ в Грузии. Артист рассказал о своем 15-летнем служении в легендарном БДТ, о съемках в знаменитых картинах «Собака Баскервилей», «Противостояние», «Необыкновенное лето», «По имени Барон» и других, о сотрудничестве с Георгием Товстоноговым, Олегом Басилашвили, Нодаром Мгалоблишвили, Виталием Соломиным, Ларисой Малеванной, отвечал на самые разные вопросы публики, читал любимые стихотворения, в том числе, Осипа Мандельштама, Булата Окуджава, Симона

Чиковани. Благодарные зрители – педагоги-русисты, актеры тбилисских театров, представители общественных организаций – наградили Олега Пальмова горячими аплодисментами.

Следующим участником проекта стала Елена Исаева – поэт, драматург, переводчик, лауреат молодежной премии «Триумф», первый лауреат премии «Действующие лица», лауреат «Приза Европы» Международного фестиваля Европейского радиовещательного союза в Берлине, неизменный участник Международных русско-грузинских поэтических фестивалей.

На сцене театра имени Грибоедова Елена Исаева читала свои стихотворения – как знакомые тбилисцам, так и написанные совсем недавно, отвечала на многочисленные вопросы зрителей о своей работе в театре, в кино, в Союзе писателей Москвы, переводческой и преподавательской деятельности, ближайших театральных премьерах по ее пьесам...

Согрел сердце момент, когда на сцену поднялась Маквала Гонашвили, поэт, прозаик, председатель Союза писателей Грузии, и они с Еленой обнялись, как близкие подруги. Разумеется, калбатони Маквала не могла прийти с пустыми руками и прочла, ко всеобщему удовольствию, написанный в этот день перевод на грузинский знаменитого стихотворения Елены «Мцхета».

Аплодисменты, цветы, «спасибо!» и, конечно, череда фотографий на память – прекрасное завершение прекрасного вечера!

«Так приятно, когда зрители не отпускают и расставаться с ними не хочется! Спасибо, Тбилиси!», – сказала Елена Исаева на прощание.

Участником третьего этапа проекта стала Татьяна Марченко, доктор филологических наук, специалист по истории и литературе русской эмиграции, заведующая отделом культуры российского зарубежья Научно-исследовательского центра при Доме русского зарубежья имени А. Солженицына.

Лекция «Бунин по-достоевски: поэтика и жизнь. К 200-летию Ф. Достоевского и 150-летию И. Бунина» собрала многочисленную заинтересованную аудиторию филологов-русистов – преподавателей школ и вузов, профессуру Тбилисского государственного

университета им. Ив. Джавахишвили и Грузинского технического университета.

«Среди писателей, к наследию которых обращается Бунин, – отметила Т. Марченко. – Достоевский кажется наиболее ему чуждым и несозвучным. Однако более пристальное внимание к бунинским текстам приводит к почти неожиданным открытиям. Достоевский органично входит в литературное творчество Бунина. Бунин доводит многие намеченные его предшественником линии до логического завершения. Экзистенциальный опыт эмиграции разворачивает Бунина к Достоевскому, даже если порой это не сознательная опора на традиции, а типологическое сближение».

Почти двухчасовая лекция пролетела стремительно и завер-

Елена Исаева

шилась живым диалогом лектора с аудиторией, который продлился едва ли не столько же, сколько и сама лекция.

Итак, «Беседы за круглым столом» завершились.

Подводя итоги, хочется сказать, что сегодня, в эпоху перемен, не всегда счастливых, роль культуры стремительно возрастает. Она берет на себя важнейшую миссию из всех возможных – миротворческую. И если политики подчас не могут договориться, то деятели культуры всегда найдут общий язык.

Поэтому (мы очень надеемся) – до новых встреч!

Ну а Тбилиси – это то самое место встречи, которое изменить... не хочется.

ПОЕЗДКА В ГРУЗИЮ

С 25 ноября по 4 декабря по приглашению Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» и его президента, директора Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А. С. Грибоедова Николая Николаевича Свентицкого, и при финансовой поддержке фонда «Русский мир» в Грузии побывала с визитом заведующая отделом культуры Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва), доктор филологических наук Татьяна Вячеславовна Марченко. Она приняла участие в культурно-образовательном проекте Русского клуба «Беседы за круглым столом», реализованном этой осенью, выступила с лекциями в Тбилиси и в Батуми.

В. Крысько и Т. Марченко в ущелье Левгтахеви. Тбилиси

■ Татьяна МАРЧЕНКО

Как Грузия видится из Москвы? Как жизнь на другой планете, недостижимой и непо-стижимой, когда отсутствие дипломатических отношений кажется пропастью, через которую нет мостов. Приглашение в Грузию было невероятно соблазнительным, из тех, которыми грех не воспользоваться, и одновременно немного пугающим, вызывающим страхи и предубеждения, замешанные на отсутствии достоверной информации. Предстоящая долгая дорога (просто лермонтовское «Я ехал на пере-кладных...»), заботы о тестах и кодах, связанных с эпидемиологической ситуацией во всем мире, придавали поездке черты какого-то хождения за три моря. Но все оказалось преодолимо, сотрудники Русского клуба организовали поездку четко и удобно, и вот уже московское про-мозглое предзимье обернулось теплым тбилисским вечером, и Николай Николаевич Свентицкий

выступил нам навстречу из пре-краснейшей и древнейшей деко-рации: курящиеся паром круглые купола Абанотубани, зубчатая стена крепости на гребне скалы и балконы, балконы разбегающих-ся вверх и вправо улочек. Один из этих балконов наш – гостиница называется «Аивани» (балкон), и захватывающий дух вид на Куру, на платаны, на отвесные скалы, на храм Метехи и царя Вахтанга на коне – тоже наш, в свете дня и в ночной подсветке. Кто входит в сказку, должен быть готовым к испытаниям. Единственным и самым мощным из них стала для нас сила впечатлений; бурю эмоций трудно усмирить и неде-лю спустя после возвращения в Москву.

Николай Николаевич – под-линный гений места, времени и своего дела. Скорее по его ве-лению, чем по случайному сте-чению обстоятельств первый рабочий день в нашей поездке поначалу не отличался от москов-

ских будней. Было пасмурно, на-крапывал дождик, и город мы видели только из окна машины. Подобно утесу в мире бушующих и совсем не безобидных геополитических страстей в здании Русского театра, в свою очередь вписанном в здание торгового центра, укоренился международ-ный Русский клуб и не дает угас-нуть российско-грузинским куль-турно-научным связям. Русский клуб держится на невероятном энтузиазме харизматичного Н.Н. Свентицкого. В его кабинете мы познакомились с его сотрудни-ками, с журналистами одноимен-ного журнала «Русский клуб», создателями прекрасной просве-тительской, богато иллюстриро-ванной книжной серии о русском культурном присутствии в Гру-зии. Мы входили в современную Грузию через историю русско-грузинских отношений, через не-разрывность культурных связей, через русский язык, который зву-чал не только в Русском клубе, но и в гостинице, и в ресторанах, а на улицах – в робких предложе-ниях отправиться на экскурсию: зима, не сезон; в завлечениях продавцов чурчел и гранатового сока, в окликах попрошаек.

Лекция была назначена на ве-чер 26 ноября. Вам приходилось ехать на лекцию в чужой стране, в незнакомом городе вечером черной пятницы? В магазинах скидки, на дорогах пробки. Тби-лиси вытянут вдоль Куры, и если раньше казалось, что он лежит в чаше гор, то сейчас он взбирает-ся по горам и убегает далеко от центра вдоль по течению Куры, где растут новостройки. В городе появились транспортные развяз-ки, они помогают движению, но не могут решить его проблем. А наши спутники, прочно увязнув в пробке, смеются и рассказыва-ют, как упоительно цветет в мае сирень вдоль дороги, по которой мы медленно движемся к цели – секции интересов РФ. Здание есть, а дипломатических отно-шений нет, только «секция ин-тересов Российской Федерации при Посольстве Швейцарии». Пока наши дипломаты под ру-ководством Руководителя секции Дмитрия Александровича Трофи-мова помогали подготовить зал технически, а автор этих строк в переживаниях, что никто не придет, пила чудодейственную

грузинскую минералку, аудитория неожиданно наполнилась и, принимая во внимание сложную эпидемиологическую обстановку, даже переполнилась. Единственным, кстати, человеком, снявшим маску на далекой от слушателей сцене, была лектор: тбилисцы носят маски даже на улицах. Первой приехала школьная учительница русского языка, живущая недалеко от знаменитого древнего пещерного монастыря Вардзия. Она ехала четыре часа и эмоционально поведала о разговоре с директором своей школы: «Я поеду! – Нет! – Да!» Но, конечно, в основном аудитория состояла из жителей Тбилиси – и, признаемся прямо, в такой многолюдной и такой благодарной аудитории нам давно не приходилось выступать.

Это были в основном преподаватели русской литературы: русскую литературу по-прежнему (хотя вряд ли в прежнем объеме!) преподают в грузинских вузах и школах, любят и знают. Преподают и литературу русского зарубежья – нам довелось по-

общаться не только с преподавателями этой дисциплины, но и со студентами, присутствовавшими на лекции. Завершила встречу профессор Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили Мария Филина. В ее монологе прозвучала простая мысль, которая объединяла всех собравшихся, – надежда на сотрудничество, на совместные проекты, на научное общение. Здесь гордятся, что в Тбилиси хранится обширная часть архива Бориса Пастернака. Памятник поэту и переводчику уже готов и вскоре будет торжественно открыт в столице Грузии. Хотелось бы находиться в этот день рядом с коллегами-филологами из Тбилиси, провести совместный научный семинар, восстановив прерванные и столь всем необходимые связи. А пока у нас с М. Филиной опосредованные научные связи – вроде полета в Тбилиси из Москвы через Минск: мы обе активно сотрудничаем с филологами Варминско-Мазурского университета (Ольштын); любопытный зигзаг современно-

сти – поляки объединяют русских и грузин.

Следующие два дня оказались погружением в грузинскую столицу, в грузинскую древность и ее христианские истоки. Никуда бы мы не погрузились, а бесцельно болтались бы по улицам, церквям и музеям, доверяя сомнительным гидам из интернета, если бы нашим спутником, нашим вожатым (по Пушкину) и Вергилием (по Данте) не стал Саша Сватиков. Александр Ярославович главный редактор журнала и всех изданий Русского клуба, фотографирует параллельно с вами, но видит Тбилиси в особой оптике, как будто город избрал его для самых своих сокровенных селфи. Прогулка открывала нам двери домов, заводила внутрь дворов и поднимала по лестницам, ошеломляла вердугами невероятного размаха и обзора, приглашавшими в полет, и фокусировала зрение на мелочах, которыми сказочно богата грузинская столица. Саша открыл нам Тбилиси – попробуй теперь вынуть этот город из памяти и из

Храм Светицховели. Мцхета

Над слиянием Арагви и Куры

души. Соллаки и Авлабар! Вы отходите от гламурно обновленной улицы на первой линии над Курой, идете среди щебенки, цемента и щурящихся на солнце кошек по пыльным улицам, с обветшавшими, полузаброшенными, но обитаемыми домами, и сбившись в этом однообразном живописном лабиринте, Саша произносит: «А это улица грузинского царя Соломона...» – и вдруг идущая мимо с продуктовыми пакетами женщина оборачивается и, невзирая на тяжелую ношу, выпрямив стан и приняв гордый вид (о, Ханума!), внушительно произносит по-русски с неподражаемым акцентом: «Это улица писателя Чехова!...»

Шумит осенняя полноводная Кура, а фонтаны в городе высохшие и шуршат опадающей листвою платанов. Платаны необыкновенно украшают город, ровные серо-зеленые стволы возносят купы пламенеющей ржавой листвы. Пролетают стаи голубей, чайки вьются над прогулочными корабликами, ожидая куска предусмотрительно захваченного туристами лаваша, а на лестнице между верхним Вифлеемским и нижним Вифлеемским храмом живет белая утка. Ну, живет и живет – у мусорного ящика клуб кошек, по большим улицам неприкаянно бродят, заглядывая в глаза в напрасных поисках хозяина, чипированные со-

баки с цветным кружочком в ухе, а здесь – утка. В верхнем Вифлеемском храме замечательные современные росписи, мы поднимаемся (в Тбилиси по улицам не ходят, а поднимаются и спускаются) их посмотреть и проходим под такой ярко-желтой вьющейся кипенью со свисающими стручками, что мне непременно нужно понять – что это? Глициния, – подсказывает идущий в церковь нестарый грузин и потом помогает нам разобраться грузинские имена святых на фресках. А мы снова спускаемся, неторопливо кружим по улицам, звучат такие имена и истории, про которые пишутся толстые тома, – что ни дверь, что ни окно, то громкое имя, русская поэзия в неспешной прогулке, город, разворачивающий улицы, как свитки истории. Один из домов доставляет Саше большую личную боль: долгие годы он был хранителем Дома литературных связей – Пушкинского мемориала. Теперь здесь Кавказский дом – Музей Смирновых, но что-то невесело смотрит этот отреставрированный немецкими доброхотами особняк и не сверкают огнями его окна, приглашая зайти. Листья шуршат, мимо бежит чипированный пес, замедляет шаг в надежде, что мы и есть те хозяева, в поисках которых напрасно день-деньской он проводит на улицах. Что ему брошенная кость! Ему нужен друг.

Мы многое видим, запоминаем – и в прогулках, и в разъездах по грузинской столице нам открываются ее контрасты, за стройками – разруха, за туристическими тропами – рубище повседневности, покосившихся гниющих стен, аварийной застройки исторических кварталов... Тбилисцы же ими дорожат, зачарованные легендарной стариной.

Когда стоишь у древнего храма Джвари – вернее, противостояшь сокрушительной, какой-то первобытной силе ветра, когда за твоей спиной сдвигаются горы, а перед потрясенным взором «сливаясь, шумят, / Обнявшись, будто две сестры, / Струи Арагвы и Куры», на месте их слияния лежит, как на ладони, Мцхета – древняя столица Иверии и видны ее храмы, связанные с крещением страны в IV веке, а дальше к горизонту синют мягкие очертания других гор, то перехватывает дыхание от всей этой предвечной красоты, от первозданности мира в его чистоте и непорочности. Но первое, что заставляет ахнуть, – это то, что «струи» разного цвета, буро-серая – Арагви, бирюзовая – Мтквари (Куры). Спускаясь в долину, возвращаясь к живой жизни, и забавной, и печальной: миновали памятник Лермонтову, вокруг которого уютно расположилось стадо овец под водительством пастуха в папахе и бурке; подошли к Светицховели под

неустанное зазывание экскурсоводши в меховой шапке: экскурсии она готова была вести на всех мыслимых языках и так настырно доказывала свое первородство местного гида, что колоритные дамы, оккупировавшие паперть, попросили ее убраться, да и церковь заодно с собой прихватить, но только не мешать им работать – собирать подаяние (перевод Саши, интерпретация моя); а в церкви монастыря Самтавро к мощам Гавриила очень солидный и очень серьезный мужчина принес большую, богато разукрашенную икону и долго стоял с ней в приделе... Хотелось от всего сердца пожелать ему исцеления близких, о котором он, видимо, просил; всем нам хотелось вымолить мира и добра у древних сохранных святых... И храмы плывут в веках каменными молитвами. У нас одна вера, и одни святые, и не было церкви в Грузии, куда бы мы зашли и не увидели русского старца Серафима Саровского; а мою свекровь звали Ниной... Четверть часа езды и вновь шумит разноязыкая толпа, постоянно мелькают хиджабы, много туристов с Ближнего Востока, халяль теснит в меню традиционные грузинские блюда.

Нам повторяли, как мантру: вам надо съездить в Батуми, непременно в Батуми. Ни на что не похожий, в архитектурном буйстве, даже в легком, но простительном для курорта помешательстве форм, линий, стилей, с чудесами зодчества на каждой улочке старого города и в стеклобетонных причудливых громадах между прибором и приморским бульваром, Батуми должен был нас очаровать, и ему это вполне удалось. 2 декабря, решив, что вдоволь усладила нас мягким теплом, природа разверзлась хлябями небесными и обрушила на Черноморское побережье мощный шторм: зима! «Дождь в Батуми – это не новость!» – улыбались школьные учителя русского языка и литературы на нашей встрече. Почему встреча не с преподавателями университета Аджарии? Потому что русистика как дисциплина исчезла из него три десятилетия назад. Для многонационального, к тому же курортного города это был не самый разумный шаг. Любопытно, что молодые работники ре-

У храма Джвари

сторанно-гостиничного бизнеса либо говорят и по-русски, и по-английски, либо уж не знают обоих этих языков, но русского не знают не столь категорично. После лекции учительницы разговорились сами, и им было много что сказать. Батуми – это Лас-Вегас в субтропиках у теплого моря, поражающий невероятными шедеврами современной архитектуры, и одновременно – город контрастов, где идет скромная будничная жизнь, в том числе учителей-словесников. Небольшие зарплаты, непопулярная специальность. И тут, как *deus ex machina*, является минувшим летом Николай Николаевич Свентицкий и организует Летнюю школу для учителей русского языка и литературы: роскошный отель у пены прибоя, великолепная кухня, незабываемые встречи и мастер-классы, драгоценные подарки – учебная литература. На

отсутствие книгообмена жаловались и в столице Грузии, но там речь шла о научной литературе. А здесь произошел неожиданный поворот: «Зачем нам учебники по РКИ? У нас русский идет не как иностранный – мы преподаем родной язык!» Признательность за российскую помощь (Русский клуб организовал ее через Россотрудничество) была безмерной и совершенно искренней. Учительница из Поти Евгения Зоидзе сообщила, что сама едет в Москву в декабре как победитель одного из конкурсов для русистов – она успешно участвует во многих начинаниях и уже получала награды и премии, в том числе за эссе ко Дню Победы. Своими успехами она гордится; мы пригласили Евгению в наш музей (если будет время в плотной московской программе) и пожелали дальнейших успехов. А еще выслушали рассказ преподавателя Батумской

немецкой гимназии: девятиэтажное здание, престиж обучения, высокий конкурс – школа создана и функционирует благодаря щедрым дарам Германии. Но у Елены Качеишвили есть мечта: свозить своих учеников в Эрмитаж. Как немного порой требуется...

О чем говорили залы в Тбилиси и Батуми самым присутствием собравшихся в нем людей, их желанием подойти, поговорить, сделать фотографию на память, просто постоять рядом? О том, что мы очень соскучились друг по другу, по взаимному присутствию в жизни друг друга. В школах преподают русский язык. Я охотно допускаю, что далеко не во всех школах и не по всей стране, хотя меня уверяли в обратном. Но – преподают, а значит, нужно обмениваться учебниками и новыми методическими разработками, нужно проводить мастер-классы учителей, нужно дать возможность детям общаться с ровесниками. Или естественное желание свозить детей в Эрмитаж. Поездка в Петербург способна совершить настоящий переворот в душе подростка – не только из грузинской столицы, но и русского провинциального тинейджера. Для вузовского преподавания не менее важно научное общение, обмен идеями, лекции, семинары, конференции, круглые столы. Форматов для оживления научных контактов много, нужен лишь небольшой импульс, чтобы «процесс пошел», чтобы установились столь необходимые для высшей школы контакты. В здании консульства прекрасный конференц-зал, а в фойе Русского театра можно размещать любые тематические выставки: любую экспозицию можно перевести «в цифру» и в копияном варианте знакомить с различными российскими историко-культурными проектами. И я вновь с признательностью вспоминаю настойчивость угорваривавшего меня приехать Н.Н. Свентицкого – как я обделила бы себя, не побывав в Грузии. И как здорово, что это не было туристической поездкой, что я увидела и услышала людей, которым нужны контакты с Россией, нужно общение, узнавание и воспоминание. В Тбилиси народ по-столичному сдержан, а в Ад-

жарии таксисты, продавцы, прохожие на улицах неоднократно в случайных беседах давали нам прямо понять – не в разрушении связей с Россией видят они будущее своей страны.

Вокруг все время была такая красота догорающей пламенной осени и проступающей зимней графика, что все это хотелось впитать, запомнить, длить и длить очарование. Не хочется думать о грустном. Единственный раз я была в Тбилиси в середине 80-х, совсем еще юной. Тогда мы упивались апрельским теплом, цветением миндаля, гуляли по центральным улицам с нарядной публикой, наслаждались неизменно щедрым гостеприимством, но не оставляло странное томительное чувство. Мы были тогда в своей стране – но уже чувствовали ее чуждой. Грузия копила силы, чтобы оттолкнуться от России, оттолкнуться с неожиданной силой... Грузия была нашим праздником, нашей любовью – безоглядной, доверчивой, беззаветной. Мысли и разговоры о случившейся катастрофе – как же иначе назвать этот разрыв многовековых связей двух православных соседних стран? – неотступно сопровождали нас в поездке. Долгий путь из Тбилиси в Батуми и обратно, пейзаж как лента кинематографа за окном, туманно-дымчатый с проблесками рек по дороге к морю, алмазно-солнечный с сахарно-белыми грядками гор на возвратном пути в столицу. Полузаброшенные, полуразрушенные дома, полощется на ветру ветхое тряпье, коричнево-рыжими шарами мелькает в палисадниках хурма. И бередят неотступные мысли, не старые обиды или новые притязания, а извечная русская крепость задним умом: что мы сделали не так, когда произошел тот надлом, который разверзся пропастью в наших отношениях? Я не о последних годах с известными событиями, а о том, что предшествовало 91-му году. Не слишком ли сильно и жертвенно мы любили? Когда сама любовь стала ненавистна, когда любой добрый жест воспринимался как свист хлыста, вызывая неожиданную ответную реакцию? Воистину, мы жили тогда на планете другой...

Вечером накануне отъезда нам повезло оказаться на пред-

мьерном показе в театре Резо Габриадзе: мастера не стало летом, его сын Лео продолжает вести прославленный во всем мире Театр марионеток. Премьера «Альфреда и Виолетты», полностью переработанного спектакля сорокалетней давности, возвращает в Тбилиси 1991 года. Нравится вам такая театральная эстетика или нет, но к финалу вы измучены от переживаний и поражаетесь внезапной его светлой интонации: свадьба – делу венец. Пьеса мастера переведена им самим на русский язык и озвучена голосом одного из артистов Русского театра; все причастные очень волновались – хорошо ли нам было слышно, не фонило ли в наушниках... Иногда я слушала одним ухом аутентичное звучание на грузинском языке, а из русского текста уже включила в свою речь целый ряд искрометных цитат. У Резо Габриадзе было, как рассказал Лео, два любимых персонажа – самолетик и «паровоз Серго Орджоникидзе» (говорящий по-русски голосом С. Гармаша); и я тоже влюбилась в них. Как нежно обнимала Виолетта самолетик, увозящий в Италию ее Альфреда (а как он там, с хором местных антиков, пел грузинские песни, собирая монетки в картонный стаканчик!), и как радостно кружил этот маленький белый самолетик родом с довоенных открыток в светлом финале... Наутро мы промчались на автомобиле по улицам Лева Качинского и Джорджа Буша (старшего или младшего?), и самолет Белавиа взял курс между Эльбрусом (Шат-гороу) и Казбеком над толпою соплеменных гор, кружным путем отправляясь в Москву через Минск, а мечталось над этими сверкающими снежными грядками о рейсах, напрямую соединяющих столицы Грузии и России.

Россия и Грузия – это не разные планеты. И пусть там шуршит пламенно-рыжая листва на платанах, кошки нежатся на декабрьском солнце, и оранжевая хурма заменяет шары новогодней елки, а у нас от моря и до моря снега и морозы пришли на долгие месяцы. При чем тут политика? Нам интересно друг с другом, и в науке или культуре мы говорим на одном языке. Я все ищу и ищу каких-то нужных

Памятник Вахтангу Горгасали

слов и правильных мыслей, листаю книжки из серии «Русские в Грузии» и вдруг понимаю, что я читаю их взахлеб одну за одной. Где же ответ – у защитника всех обиженных Льва Толстого, у знатока сонетов и сонетослагателя Константина Герасимова, у «совсем необыкновенных» Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского – моих героев, знаменитых представителей русского зарубежья?.. Да, ведь и тогда, сто лет назад, случилось непоправимое, и больше полувека прошло, прежде чем мы начали собирать камни, и только тридцать лет назад стали возвращать наследие эмиграции, связывать порванную нить живой традиции. С чужбины Марина Цветаева писала Борису Пастернаку: «Не рассорили – рассорили, / Расслоили...» Воистину: был сплав культур, единство истории, одни стихи и одни герои... «Цвет небесный, синий цвет / Полюбил я с малых лет...» – читали мы наизусть и разве за-

думывались, на каком языке это было написано, на какой переведено? Это была наша общая поэзия, на разных языках – но на одном поэтическом, всем внятном и всеми любимом. И школьный курс пушкинской поэзии неизменно начинается с таинственной лирической грусти: «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» Может быть, я не могу пока сформулировать, но я знаю, я чувствую – моя встреча с Грузией состоялась, и мне просто хочется, чтобы опять мои соотечественники влюблялись в Грузию, приезжали сюда за вдохновением, за красотой, за теплом этого края и живущих в нем людей. И моя поездка для меня теперь незабвенна.

Пишу эти строки, а за окном сыплет и сыплет снег, и душа отзывается неповторимым голосом Нани Бреговдзе «Снегопад, снегопад, / Не мети мне на косы...»

Печаль моя светла...

Выражаем самую искрен-

ную, самую сердечную признательность принимающей стороне: такой блестящей организации, такой тщательной продуманности всей программы вплоть до самых мелочей, такой пунктуальности и такого щедрого праздничного гостеприимства нам не приходилось встречать никогда и нигде – подтверждаем это со всей ответственностью. Мы не сможем упомянуть всех, кто ухаживал за нами с самого первого шага (выбора авиарейса с непростыми пересадками) и до посыпавшихся эсэмэсок с вопросом «как долетели» в момент, когда, разнеженные югом и солнцем и уже вкусив московского мороза и снегопада, мы поставили дома тяжеленные чемоданы с книжными и иными дарами щедрой Грузии. Спасибо вам: Николай Свентицкий и Дмитрий Трофимов с сотрудниками, Александр Сватиков, Зураб, Алена, Лали, Темо, Мераб... До встречи!

В ГОСТЯХ У ЭЛИЧКИ

■ Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

«Ну что, готова? Пошли к Эличке!», – сказала моя бабушка Эточка (Генриетта) Мгебришвили и быстрым шагом направилась к двери. Спустя десять минут мы уже входили в подъезд дома №12 на улице Перовской (ныне Киачели). Хозяйки квартиры радушно встречали многочисленных гостей. Стены просторных комнат были увешаны живописными полотнами, квартира обставлена старинной мебелью, на самом видном месте стоял мольберт с черно-белой фотографией женщины в очках. Это портрет выдающейся грузинской художницы Елены Ахвледиани, а квартира – ее Дом-музей, где постоянно проходили творческие вечера и различные выставки.

Сестра моей бабушки, Матильда Мгебришвили, тоже была художницей, и они с Ахвледиани дружили, часто ходили друг к другу в гости. Эти теплые отношения не изменились со смертью Матильды, и каждый поход в дом Ахвледиани становился в нашей семье событием. Поэтому, когда у нас заходил разговор о творчестве художницы, ее по-домашнему звали Эличкой. А салонные встречи в Доме-музее за чашечкой чая и конфетами «Птичье молоко» остались светлым воспоминанием моего детства... Когда я вошла в выставочный зал «Baia Gallery», где экспонировались неизвестные широкой публике работы Елены Ахвледиани, у меня возникло знакомое ощущение радости, будто я снова пришла в гости к Эличке.

«ЕЛЕНА АХВЛЕДИАНИ И ЕЕ ЭПОХА»

Уже несколько лет сотрудники галереи занимаются поиском и исследованием полотен известных отечественных мастеров, хранящихся в частных коллекциях. Найденные полотна объединяются по конкретной тематике и экспонируются в галерее. Уникальность подобных выставок состоит в том, что по их завершении картины вновь возвращаются к владельцам, и посещение выставки – единственная возможность увидеть собранную воедино коллекцию. С 2019 года «Baia Gallery» осуществляет проект под названием «Художник и его эпоха», который знакомит зрителей с определенными этапами развития грузинского искусства сквозь призму творчества одного художника. В рамках этого проекта проходит выставка под названием «Елена Ахвледиани и ее эпоха», где на-

ряду с полотнами замечательной грузинской художницы XX века представлены работы ее не менее знаменитых коллег. Примечательно, что большинство картин выставляются впервые. При входе в галерею посетителей встречают несколько больших черно-белых фото, снятых почти сто лет назад. На одном из них изображены совсем молодые Давид Какабадзе, Вера Пагава и Елена Ахвледзиани, сидящие на солнечном пляже в Нормандии, на другом редком снимке мы видим, как Ахвледзиани с Петре Оцхели с удовольствием позируют фотографу, и оба от души смеются. В 20-х годах XX века группа молодых художников, в составе которой были Давид Какабадзе, Ладо Гудиашвили, Елена Ахвледзиани, Кетеван Магалашвили, Илья Зданевич, Вера Пагава, Шалва Кикодзе, Василий Джорджадзе, Феликс Варламышвили и др., проходила обучение во Франции. В 1927 году некоторые из них вернулись в Тбилиси, кто-то навсегда остался на чужбине, но именно они внесли в грузинскую культуру различные направления модернистского искусства. «Елена Ахвледзиани впервые начала рисовать в Кахети и на протяжении всего творчества рисовала этот край, как Гоген – Таити, Матисс – Марокко, Сезанн – гору Сент-Виктуар, Давид Какабадзе – Имерети. Ее рисунки превратились в иконографические изображения Кахети. Ландшафтные вариации ее излюбленная тема, помимо Грузии она рисовала пейзажи везде, где ей довелось путешествовать и жить: Италии, Франции, России, Чехословакии, Эстонии, Украине и т.д.», – рассказала куратор выставки Байя Цикоридзе. В экспозиции представлены работы разных лет: картины, написанные маслом на холсте и картоне, а также рисунки пастелью и гуашью на бумаге. Большую часть экспозиции составляют зимние пейзажи, например, Светицховели и Старый Тбилиси зимой, много полотен с изображением регионов и городов Грузии – Имерети, Кахети, Кутаиси, Ниноцминда, Телави... И конечно же, дворы Старого Тбилиси. «Елена воспринимает дом как живое существо, рассказывает его «биографию», на

ее рисунках каждый дом – отдельный персонаж», – отметила Цикоридзе. На стендах галереи можно прочитать интересную информацию о жизни и творческом пути художницы, увидеть репродукции афиш парижских выставок Ахвледзиани, репродукцию графического портрета Елены, сделанного Кетеван Магалашвили в 1924 году. Любители живописи имеют возможность посмотреть малоизвестные работы Петра Блеткина, Ладо Гудиашвили, Кирилла Зданевича, Мосе Тоидзе, Давида Какабадзе, Кетеван Магалашвили, Веры Пагава, Дмитрия Шеварднадзе.

ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА ИЗ ТЕЛАВИ

Детство Елены Ахвледзиани прошло в тихом, уютном, утопающем в зелени Телави. К родному городу художница не раз будет возвращаться в своем творчестве. Здесь произошло ее знакомство с изобразительным искусством, ее первым педагогом был Шалва Картвелишвили, – «наши семьи жили по соседству и очень дружили. Он первый научил (меня) любить и видеть природу, наш народ, наши памятники, народное творчество» (из воспоминаний Елены Ахвледзиани). С 1910 года, когда семья переехала в Тифлис, занятия рисованием стали систематическими. Во Второй женской тифлисской гимназии, где училась Елена, рисование преподавал Николай Склифосовский. Он обратил внимание на одаренную ученицу и предложил ей заниматься в своей студии, которая располагалась на Елизаветинской (ныне Цинамдзгвришвили) улице, недалеко от дома семьи Ахвледзиани. Терпеливый и чуткий, он умел беречь и развивать индивидуальность своих питомцев. Но даже и его порой удивляла «строптивость» новой ученицы: она, внимательно слушая замечания преподавателя, соглашалась, что цвет кувшина в ее работе совсем не такой, как на самом деле, и... продолжала делать по-своему. Занятия у Склифосовского оказались хорошей школой, в 1919 году ее рисунки впервые экспонировались в Тифлисе вместе с работами Гудиашвили и Какабадзе, а спустя три года она поступила

Елена Ахвледзиани. Париж

в Тифлисскую Академию художеств, на факультет живописи. Классом руководил признанный мастер Гуго Габашвили, учась в Академии, она продолжала делать зарисовки тифлисских улиц под руководством Бориса Фогеля. В 1922 году, будучи студенткой первого курса, она проявила значительные способности и была направлена на учебу за границу в качестве стипендиата Академии художеств.

В ПАРИЖЕ У КОЛАРОССИ

Сначала около двух лет она провела в Италии, куда отправилась вместе с супругом, ученым-агрономом Аполлоном Какабадзе. Рим, Милан и Венеция поразили ее своей красотой, она изучила итальянский язык, много рисовала. Затем они поехали в Париж, но их брак оказался недолговечным и вскоре супруги разошлись: Какабадзе вернулся на родину, а Елена осталась во Франции. «Когда я жила в Париже, то там же находились Давид Какабадзе, Ладо Гудиашвили, Кето Магалашвили. По воскресеньям мы собирались у Датико, а в остальные дни виделись редко, все много и напряженно работали», – вспоминала Ахвледзиани. Она жила на улице Вавена, у кафе «Ротонда», где бывала вся столичная богема: Пикассо, Модильяни, Шагал, Аполлинер, Фернан Леже. Утренние часы

чаще всего отдавались посещению музеев, после обеда были занятия. Училась и работала Ахвледиаки вместе с Кетеван Магалашвили в «Свободной академии» Филиппо Коларосси. Это была студия без руководителя, где за небольшую плату посетитель получал возможность рисовать обнаженную натуру. В мастерской, как правило, было многолюдно и царил полная свобода. Студия была известна в художественных кругах Парижа, ее посещали те, кто стремился

серия городских пейзажей, которая считается одной из лучших в наследии Ахвледиаки. «Во Франции Елена продолжала писать картины, посвященные Грузии. В пейзажах и жанровых композициях того времени ощущается некоторая общность с работами ее коллег – грузинских художников, живших в это же время в Париже. Например, в персонажах ее картин узнаются типы грузин, встречающиеся в произведениях Ладо Гудиашвили, а холмы, покрытые лоскутками

мых» были представлены две ее картины с одинаковым названием «Грузинский мотив», а спустя год были экспонированы два живописных полотна «Уголок Старого Тбилиси» и «Грузинский пейзаж», оба созданы в Париже по зарисовкам, взятым с собой из Грузии. «Уголок Старого Тбилиси» купил Поль Синьяк, а шедевр Ахвледиаки парижского периода «Грузинский пейзаж» после «путешествия» по различным частным коллекциям, оказался в Грузии и был представлен на выставке в «Baia Gallery». Творчество Елены было положительно встречено французской критикой, поэтому неудивительно, что в 1926 году в галерее «Quatre Chemins» состоялась первая персональная выставка художницы. Экспозицию посетил Пикассо и ему особенно понравилась картина «Кахетия, зима», на этой выставке во второй раз была экспонирована работа «Грузинский пейзаж». В «Осеннем салоне» Елена представила две работы «Грузинская деревня» и «Мейдан». Две свои картины она успела отослать из Парижа в Нью-Йорк в «Дом искусств» на выставку графики, и уже получила приглашение выставить рисунки в Голландии, однако из-за болезни матери отказалась от этой поездки и возвратилась на родину.

Елена Ахвледиаки. Ниноцминда

быстро приобрести навыки в создании набросков. Сохранилось несколько альбомов и папок с рисунками, выполненными у Коларосси. Для создания рисунков использовались разные материалы: карандаш, уголь, сангина, тушь. Ахвледиаки много работала и за пределами мастерской, в ее парижских альбомах есть много зарисовок, сделанных в цирке, кафе, парке, на улице. В столице Франции была создана

полей, напоминают своеобразную формулу имеретинского пейзажа, найденную Давидом Какабадзе», – отметила российский искусствовед и историк искусства Светлана Хромченко в статье, посвященной художнице. Со своими парижскими пейзажами и композициями о Грузии Ахвледиаки участвовала в выставках «Общества независимых художников»: в 1925 году на выставке «Салона независи-

ЛЕТОПИСЬ СТАРОГО ТБИЛИСИ

По возвращении из-за рубежа ее выставки регулярно проходили в разных городах Грузии, в этот период она начала сотрудничать с Котэ Марджанишвили в качестве театрального художника и работала над оформлением спектаклей вместе с Петре Оцхели. В 1939 году она получила ставшую впоследствии знаменитой мастерскую на улице Перовской, а в 1946 году ей было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Грузии. В 50-х годах Елена работала в кино и создала костюмы для фильмов «Стрекоза», «Песня Этери», «Прерванная песня» и «Цвет граната» (неосуществленный проект). По словам Хромченко, интересы Ахвледиаки были многогранны: живопись, графика, театральная декорация и костюм, книжная иллюстрация. Но

в историю грузинского искусства она вошла прежде всего как мастер жанрового и лирического пейзажа. Особое место в ее творческом наследии принадлежит пейзажу Тбилиси, города, в котором она прожила много лет, с которым сроднилась. По воспоминаниям родных и друзей, Елена могла писать картину с перерывами, иногда в течение нескольких лет. Это было особенностью творческого метода Ахвледзиани. Сначала художница делала набросок углем или карандашом с натуры, потом в мастерской завершала работу, частично изменяя композицию, вводя в нее новые детали. Полотна, написанные от начала до конца «на натуре» редки в ее творчестве. «В целом для пейзажей Ахвледзиани характерно многообразие пространственных построений. В них встречаются различные варианты композиций, подчеркивающих глубину. Пространство может развиваться вверх или по диагонали. Иногда на полотне Елена объединяет различные фрагменты ландшафтов. Стремление к разнообразию композиционных и пространственных решений особенно наглядно проявилось в пейзажах 1960-1970-х годов», — отметила Хромченко.

Художница отдала много сил и сыграла большую роль в сохранении исторического облика Старого Тбилиси. Архитектор Шота Кавлашвили при реконструкции старых районов столицы руководствовался ее работами, и отметил, что — «картинами Ахвледзиани можно восстановить почти весь Старый Тбилиси». Поэтому первую урбанистическую карту города он составил именно по зарисовкам Елены. Пейзажи Тбилиси, созданные на протяжении нескольких десятилетий, складываются в своеобразную летопись города. В 60-70-е годы в творчестве Ахвледзиани все чаще появляется тема «уходящего» Тбилиси. Порой в картинах она как бы реконструирует недавнее прошлое города, изображая торговый ковровый ряд или старый духан. «Она глубоко знала характер грузинского народа, ярко выраженный в его изобразительном и декоративном творчестве. Достаточно посмотреть с каким

На выставке

вниманием и любовью она изображала традиционные предметы быта — хурджины (сумки для провизии), костюмы крестьян, ковры, утварь», — подчеркнула в своей статье Хромченко. Ахвледзиани с большим старанием собирала произведения народных мастеров: искусно сплетенные корзины, старинную керамику, текстиль, металл. Ею руководило стремление сохранить предметы, несущие на себе отпечаток времени, человеческих рук, человеческих судеб. Ее мастерская меньше всего походила на храм искусства, где творят в тишине и уединении. «На огонек» всегда заходил кто-то из друзей или коллег. Она часто устраивала выставки работ своих коллег — В. Белецкой, В. Шухаева, П. Блеткина, Э. Андроникашвили и т.д. Мастерская художницы была своеобразным культурным центром, местом, где собирались художники, актеры, музыканты, поэты, ее многочисленные друзья. На вернисажах всегда царил праздничная непринужденная атмосфера, они были столь многолюдны, что, казалось, перекрытия старого дома не выдержат. Здесь также проводились музыкальные вечера, играли Генрих Нейгауз, Святослав Рихтер и другие выдающиеся музыканты. Вероятно многие почитатели таланта художницы не знают, что у Елены

Ахвледзиани был красивый голос, мечтая в детстве стать певицей, она усиленно занималась вокалом. А избрав профессию художницы, не расставалась с музыкой. «Я всегда страшно остро переживаю изменения в природе. Один пожелтевший листок, свинцовое небо уже поет мне грустную песенку. По дороге в Кахетию осенью это целая симфония ярко-красного, желтого, малинового, охристого, синего... Смотришь и ясно слышишь Бетховена. Я, например, смотря на этот пейзаж, была вся во власти звуков сонаты фа минор и «Трагической поэмы» Скрябина. Вообще, музыку люблю больше всех искусств, даже больше своего», — писала она в одном из писем... В 1978 году, спустя три года после смерти Ахвледзиани, мастерская превратилась в Дом-музей, сотрудники которого бережно хранят не только огромное наследие художницы, но и устоявшиеся годами традиции гостеприимства — двери дома вновь открыты для многих посетителей.

В материале приведены отрывки из статьи Светланы Хромченко «Елена Ахвледзиани», а также использованы фотографии из фондов Национального архива Грузии и Национальной библиотеки парламента Грузии.

АКОП ОВНАТАНЯН – В МУЗЕЕ БЕЛЬВЕДЕР

■ **Ирина ДЗУЦОВА**

Альда ЕНГОЯН

В музее венского дворца Бельведер открылась выставка «Акоп Овнатанян, Раден Салех, Осман Хамди-бей. Искусство мира в коллекции музея Бельведер», организованная усилиями куратора коллекций XIX-XX вв. Маркуса Феллингера. Часть представленных полотен и других артефактов – из собрания Бельведера, часть – из других музеев и частных собраний. Экспозиция открыта до конца марта 2022 года. Работы Акопа Овнатаняна (1806, Тифлис-1881, Тегеран), выдающегося представителя знаменитой художественной династии родом из Нахичевани, родоначальника жанра светского портрета на Южном Кавказе, выставлялись столь редко, что эта выставка – несомненно, значимое событие. За сто сорок лет со дня смерти мастера, его работы экспонировались (большей частью – несколько полотен) двенадцать раз: в Санкт-Петербурге, Москве, Тбилиси, Ереване, Париже.

Итак, венская выставка – тринадцатая по счету, и третья в Европе. Концепция выставки – представить художников, работавших на стыке восточного и западного искусства. Как отмечается в статье И. Дзуцовой «Восток и Запад: две стороны искусства Акопа Овнатаняна» к каталогу выставки, Акоп Овнатанян – представитель династии армянских церковных миниатюристов и художников, владевших высоким ремеслом в сочетании с искусством, – самый яркий живописец-портретист из среды тифлиских художников первой половины XIX в., уверенной рукой развернувший армянское искусство от Средневековья к Новому Времени. Центральная задача живописи Овнатаняна – изображение конкретного человека с присущим ему внутренним миром и духовными переживаниями.

Тифлиский период творчества художника был чрезвычайно плодотворным. Он написал десятки портретов – от Наместников на Кавказе до зажиточных армянских купцов и грузинских князей, и к середине века стал самым известным тифлиским живописцем, обладателем звания неклассного художника, полученным в 1841 г. от Петербургской академии художеств. По предположению выдающегося армянского искусствоведа и основателя Национальной галереи Армении Рубена Дрампяна, за более чем полувековую деятельность А. Овнатанян создал не менее тысячи портретов.

К концу 1850-х годов Персия все более привлекает его. Точнее – возможность стать придворным художником молодого шаха-реформатора Наср-эд-дина Каджара (1831-1896). 1858-1859 гг. маститый художник проводит в Тавризе. И здесь, в Персии, переживающей эпоху модернизации, А. Овнатанян также успешен. В 1861 г. он удостоился титула наккаш-баши (придворного художника), получил орден Эльми (науки), создал портреты шаха, наследного принца и других членов династии Каджаров. Между шахом и Овнатаняном сложились доверительные, дружеские отношения.

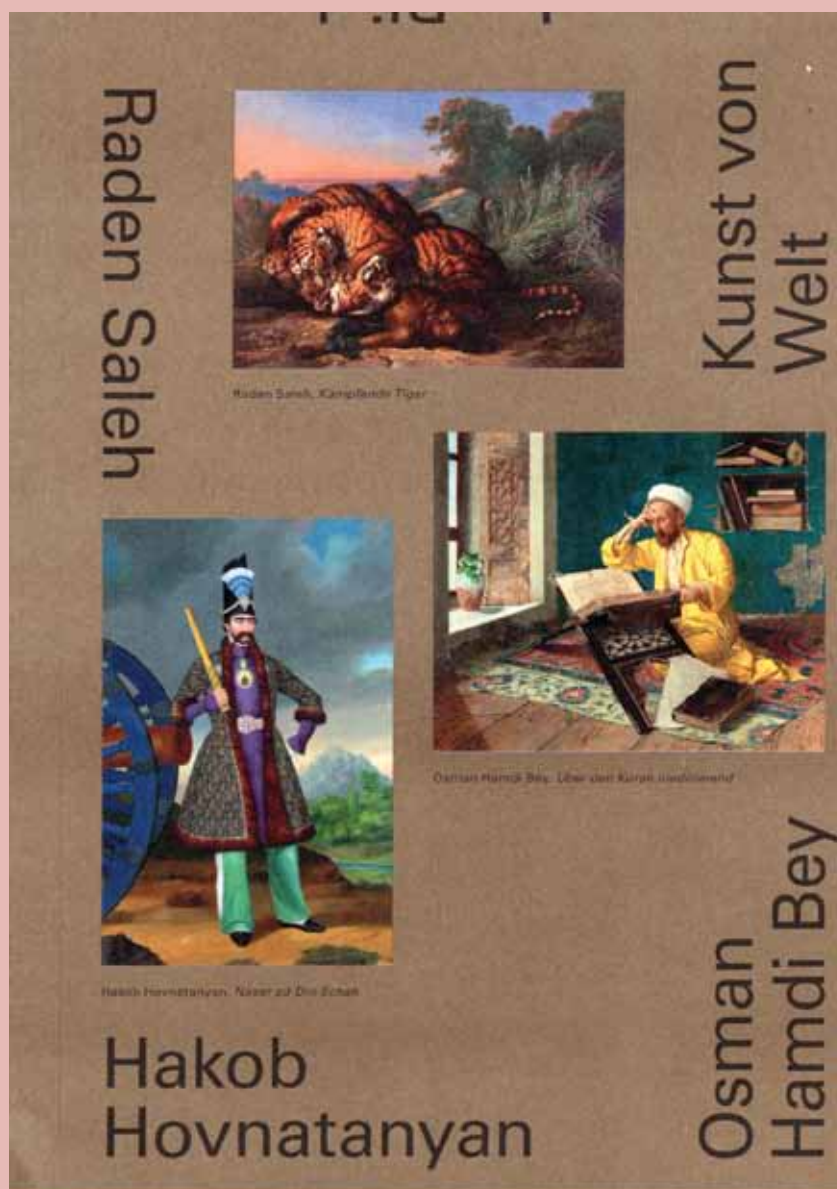
Парадные портреты стали для художника новой сферой приложения его таланта. Овнатанян

без труда освоил более яркий и светлый колорит, изображение в полный рост на больших холстах, предназначенных для дворцовых интерьеров, подчеркнутую репрезентативность поз. В то же время, в портретах присутствует главная характеристика искусства Овнатаняна – интерес к личности модели. Вернувшись ненадолго в Тифлис в первой половине 1860-х гг., в 1864 г. или 1865 г. он уехал в Персию – уже навсегда.

Проницательный аналитик человеческой природы, Овнатанян прожил долгую жизнь в искусстве: в общей сложности он проработал около 35 лет в Тифлисе и примерно 20 лет в Тавризе и Тегеране. Его могила во дворе тегеранской церкви Сурб Геворк, к сожалению, была утеряна в 1970-х гг. Но остались его картины.

Среди них – исключительный по замыслу и прекрасный по исполнению Портрет шаха Наср-эд-дина с пушкой из коллекции музея Бельведер, экспонируемый на выставке. Это единственная известная нам живописная работа А.Овнатаняна, хранящаяся в европейском музее. Обязанностью придворного художника было прославление власти шаха, как мудрого и волевого правителя. В рамках подарочной дипломатии между Персией и Австрией, получившей новый импульс после заключения в 1857 г. австро-персидского соглашения о дружбе и торговле, данный портрет, созданный, как мы полагаем, в 1860 г., был послан в дар австрийскому императору Францу-Иосифу I. В 1862 г. Овнатанян был награжден за портрет австрийским орденом Св. Иосифа III степени.

Наср-эд-дин считал себя великим реформатором, а одним из идеалов государя для него являлся Петр Первый. В стремлении перевести страну на рельсы Нового Времени, шах подражал всему европейскому: сбрил бороду, пригласил европейских военных и гражданских специалистов для модернизации армии и создания современной инфраструктуры, открыл первый в Персии университет (Дар аль-Фунун), способствовал развитию фотографии, при нем появились первые персидские газеты... Кстати, правитель сам недурно

Каталог выставки

рисовал и неплохо разбирался в искусстве. В одном из обширных залов Гюлистанского дворца он сконцентрировал большое количество предметов роскоши и артефактов: это де факто первый в истории Персии прото-музей для личного пользования шаха и придворных.

В его окружении служило немало армян. Интересно отметить, что в 1853 г. за содействие образованию персидскоподанных шах награждал представителей знаменитой армянской российской семьи Лазаревых высшими персидскими наградами. В 1873 г. он посетил Лазаревский институт в Москве, основанный в 1815 г. Иоакимом Лазаревым.

Как и положено шаху, Наср-эд-дин любил подарки и лесть

(придворные называли его «осью вселенной», «кладезем мудрости» и «кумиром человечества»), слыл отличным стрелком и увлекался драгоценностями и женщинами. Подробнее о портрете шаха читатель сможет узнать из готовящейся к печати книги И. Дзуцовой «Акоп Овнатанян. Портреты-воспоминания о художнике», в которой приводятся новые сведения об Овнатаняне.

Еще одна картина художника представлена на выставке по нашей инициативе и экспонируется она впервые – это, так сказать, премьера. Речь идет о портрете неизвестного высокопоставленного персидского военного из рода Каджаров, выполненная, по нашей датировке, в 1860-1862 гг.

Портрет этот – из личной коллекции праправнучки Акопа

А. Овнатяня. П-т Каджарского принца

Овнатяня, Мары Сетханян-Мартин, проживающей в США. Эта тонкая, умная и волевая женщина бесконечно верна памяти своего предка и всю жизнь занимается поиском сведений о нем, его картин, сохранением его наследия. Мара – энциклопедия сведений о жизни армянской диаспоры Ирана. Несмотря на пандемию и уже немолодой возраст ей удалось привезти картину на выставку и приехать самой на открытие. Ее участие в этом культурном событии было крайне важно и придало выставке особую эмоциональную окраску.

Портрет Каджарского принца (так ласково «окрестила» его Мара) – прекрасный. Персидский военный стоит во весь рост на фоне горно-равнинного пейзажа с рекой, на фоне голубого пред-

закатного неба. Одет он в черный мундир-сардари с эполетами. На груди ордена: посередине – орден с изображением, по видимому, шаха Наср-эд-дина с алмазами; слева – восьмиконечный орден Льва и Солнца I степени. Через правое плечо спускается красная орденская лента с двумя белыми полосами по краям. Такие ленты были положены бригадным генералам и за особые заслуги. Установить личность изображенной модели еще предстоит.

Наконец, третье произведение А. Овнатяня – его автопортрет, также из личной коллекции Мары. В 1985 г. после смерти отца ей удалось вывезти из родительского дома в Тегеране конверт с рисунками А. Овнатяня. Среди них находился и этот ка-

рандашный автопортрет, точная копия с известной фотографии А. Овнатяня. На небольшом листе тонкой бумаги видна мастерская работа карандашом. Вышивка на воротнике сюртука, пуговицы и медали обработаны мелкими деликатными мазками белой гуаши – так рисунку придается рельефность и объемность. Бумага протонирована желтовато-охристой акварелью: на таком фоне черно-белый рисунок смотрится значительно живописней. Так А. Овнатяня привык писать фон на своих живописных полотнах.

Автопортрет можно датировать первой половиной 1870-х гг. Для чего, для кого предназначался автопортрет? Был ли это эскиз для живописного автопортрета? Этого мы никогда не узнаем. Но важно, что художник запечатлел себя именно таким и именно с этой фотографии. Таким он себя видел: серьезным, гордым, уверенно смотрящим на зрителя несколько усталым взором. Эта находка – большая и неожиданная удача.

Каталог венской выставки представляет хронологию жизни и творчества А. Овнатяня, а также карту его «путешествий» на протяжении жизни: Тифлис, Ереван, Эчмиадзин, Тавриз, Исфаган и Тегеран. Помимо трех экспонированных произведений А. Овнатяня, в каталоге воспроизведены и другие работы художника.

Акоп Овнатяня соединил в себе культурные и художественные традиции Армении, Грузии, Персии, России, но сохранил в своем творчестве абсолютную самобытность. Его искусство пленяет ясностью художественного языка и внутренней гармонией, что выражены в чистоте рисунка, линии, цветовой гармонии. Как завораживает каждое лицо, каждый психологически насыщенный образ, словно хранящий тайну о себе и своем времени... Эти портреты предназначались для домашнего интерьера, для помещений официальных ведомств, для шахских дворцов. Они сохранили глубокую общественную и духовную значимость и сегодня украшают залы музеев в Ереване, Тбилиси, Москве, Петербурге, Вене...

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕЗ

■ Тамаз ГЕРСАМИЯ

Старый Тбилиси, подразумеваем город XIX века, который по образному выражению одного журналиста был «...в некотором роде Янус, который одним лицом глядит в Азию, другим в Европу» (газета «Закавказский вестник», 1847, №6), привлекал своим ярким колоритом, проявлявшимся как в его внешнем облике, так и в быту. Александр Дюма (отец), посетивший Тбилиси в 1858 году, писал, что на каждом шагу испускал крики радости. Петр Чайковский вспоминал Тбилиси, как сладкий сон. Конечно, многое с тех пор изменилось, но сохранилась исторически сложившаяся городская застройка со зданиями и сооружениями, которые по своей исторической и архитектурной значимости способствуют сохранению самобытного, индивидуального облика Тбилиси. К таким зданиям, несомненно, относится нынешний Национальный дворец учащейся молодежи Грузии. Интересна история этого здания. Первоначально на этом месте (начало нынешнего проспекта Руставели) в 1802 году был построен дворец главного управляющего. В 1807 было построено новое здание, которое в 1809 году было перестроено. Фасад полностью был выполнен в соответствии с нормами классицистической архитектуры. Дворец был основательно перестроен, по всей вероятности, в 10-х годах XIX века, поскольку на панораме Тбилиси, выполненной с натуры художником Н. Чернецовым в 1831 году, указан другой фасад, который нам знаком по фотографиям. Дворец значительно был расширен, увеличилось количество помещений и их назначение. Основой нового фасада стала дорическая колоннада, воздвигнутая на аркаде первого этажа, а центральную часть фасада четко выделяет шестиколонный портик с завершающим его фронтоном, который объединяет два этажа центральной части здания. Боковые крылья здания завершены установленными в нишах фигурами Геркулеса и Минервы, олицетворяющими Силу и Мудрость. Следую-

Дворец наместника до реконструкции

щим этапом в последнее время почему-то считают возведение в 1845-1847 годах по проекту архитектора И. Семенова нового здания в стиле классицизма (что вызывает мое недоверие, но об этом ниже). Последняя перестройка была осуществлена в 1864-1869 годах по проекту тбилисского архитектора О. Симонсона. Здание вновь было расширено, изменилась и его планировка. Классицистические мотивы в обработке фасада сменились ренессансными. В результате этой перестройки здание приняло свой окончательный архитектурный облик, сохранившийся до нашего времени. В 1918-1921 годах в этом здании размещался парламент Грузинской демократической республики, затем в 1921-1937 годах – правительство Советской Грузии, а в 1941-1990 годах – Дворец пионеров и школьников. Из эволюции здания дворца у меня определенное недоверие вызывало строительство в 1845-1847 годах нового здания по проекту архитектора И. Семенова, хотя это отмечают отдельные публикации, в частности книга Т. Квирквелия – «Архитектура Тбилиси» (Москва, 1986), некоторые энциклопедии, хотя при этом не указывают источник. Большое

количество интернет-публикаций повторяет эту версию. Мой скептицизм был основан на следующих фактах: на панораме Тбилиси, выполненной художником Чернецовым в 1831 году, уже зарисован фасад здания, которое почему-то считают возведенным в 1845-1847 годах; об этом факте не упоминает академик В. Беридзе в своем труде «Архитектура Тбилиси». Дворец этот, как пишут, был построен в 1845-1847 годах для наместника на Кавказе князя М. Воронцова, но почему он поручил этот проект И. Семенову, которого он, наверное, не знал и который, возможно, находился в то время в Санкт-Петербурге, ведь он лично знал по крайней мере нескольких архитекторов в Одессе, где он работал в течение долгого времени? М. Воронцов хорошо разбирался в вопросах архитектуры. Для примера можно привести известный дворец в Алушке, строительство которого началось в 1828 году в неоклассическом стиле, но было приостановлено по его решению и возобновилось в 1832 году уже по новому проекту архитектора Э. Блора в стиле неоготики. Он почувствовал новые веяния в архитектуре и в соответствии с этим принял решение об изменении проекта.

Так зачем же Воронцов решил построить дворец в Тбилиси в стиле классицизма, который в то время был уже в прошлом? И еще мое субъективное мнение: он не был руководителем, который начал бы свою деятельность постройкой для себя дворца.

Работая в Национальном архиве Грузии над книгой «Джованни Скудиери» я не упускал из виду и дворец наместника. Мне попался документ – архивное дело «О вновь препологаемых постройках в доме г. наместника Кавказского в 1845 г. и починках (началось 24.IV.1845 г. – закончилось 13.XI.1848 г.)». Согласно устному приказанию директора канцелярии наместника Кавказского, архитектором Д. Скудиери была составлена смета на дополнительные исправления в доме (дворце) Его сиятельства Наместника Кавказского и представлена им 30 мая (11 июня) 1847 года. Как мы видим в этих документах нет ни слова о постройке нового дворца, хотя даже вопрос о починках являлся предметом рассмотрения и составления соответствующих документов. Если новый дворец был бы действительно построен, то не странно ли выглядит смета для дополнительных исправлений

для здания, которое только что было выстроено. На основании вышесказанного мне кажется, исключается сам факт постройки нового здания дворца наместника в 1845-1847 годах и, если И. Семенов был автором здания дворца в Тбилиси, то, по всей видимости, это было раньше, по крайней мере до 1831 года. Я продолжил поиски, в результате чего обнаружил в Кавказском календаре за 1910 год в приложении заметку «Пребывание на Кавказе в 1888 году императора Александра III». Описание путешествия заимствовано из «Правительственного вестника» за сентябрь и октябрь 1888 г. Нам интересны несколько строк, относящиеся к дворцу наместника в Тбилиси: «Из Собора (Сионского – Т.Г.) их Величества последовали чрез Эриванскую площадь и Дворцовую улицу во Дворец. Построенный в 1817 году при генерале Ермолове, дворец этот, в котором жил и кн. Воронцов, был перестроен в 1864-1865 гг., при наместнике Кавказском Его Императорском высочестве великим князем Михаиле Николаевиче. В средней части под арками находится общий подъезд, а на флангах фасада еще два подъезда». Это очень интересные сведения, поскольку в обоих случаях, видимо, указан год начала строительства и пере-

стройки дворца. Исходя из этой публикации в 1817 году, при А. Ермолове был возведен дворец, при этом указано и то, что в этом дворце жил и М. Воронцов и точно указана дата начала его перестройки – 1864-1865 годы. Наряду с этим постройка в 1817 году соответствует плану дворца конца 1810-х годов, который приводит в своей книге В. Беридзе и, главное, плану дворца, который послужил О. Симонсону основой, когда тот работал над проектом перестройки. Таким образом, т.н. Воронцовский дворец был построен в конце 1810-х годов. Теперь остается уточнить, был ли И. Семенов автором этого проекта. Для этого нужно было начать поиски с самого начала, постараться установить, откуда все это началось, откуда пошли эти слухи. По моему мнению, причиной всего этого, вероятно, могла стать заметка в журнале «Архитектура СССР», из которой сделал выписку исследователь истории города Г. Бежанишвили. Я знал об этой выписке, но насколько мне помнилось, там ничего не было сказано конкретно о И. Семенове как авторе дворца 1845-1847 годов. В связи с этим я перечитал эту выписку и решил, что, возможно, Г. Бежанишвили что-то не так переписал или не так понял и лучше обратиться к оригина-

лу. Но знакомство с оригиналом убедило, что Г. Бежанишвили все точно переписал и загвоздка именно в журнале, чего я никак не ожидал. Это оказалось настолько занятным, что я решил полностью привести здесь эту заметку. Итак, журнал «Архитектура СССР» за 1939 год №9, рубрика – Архитектурный календарь: «Сентябрь. 1 сентября (20 августа) 1865 года умер академик и профессор архитектуры, бывший крепостной Аракчеева, Иван Семенович Семенов. Отданный мальчиком в Академию художеств (1811 г.) юноша перед самым окончанием курса (1817 г.) был взят обратно «сиятельным» владельцем, не желавшим отпускать на волю своего талантливого раба. С этого момента до начала 1840-х годов Семенов работал в Грузии, сперва младшим архитектором, а с 1820 года руководителем всех строительных работ. Наиболее известные постройки Семенова в Грузии – казармы Павловского полка и чугунные беседки: кроме этого им были выполнены многие садовые украшения и построены жилые домики. Только в 1840-х годах, уже много позже смерти Аракчеева, Семенов получил свободу. С этого времени он стал быстро выдвигаться. В 1843 году он получил звание классного художника архитек-

В. Тимм. Дворец наместника в Тифлисе

Дворец после реконструкции

туры, в 1844 году – академика архитектуры. В 1859 году он был назначен профессором архитектуры. Крупнейший из исполненных проектов Семенова – б. дворец наместника в Тбилиси, ныне здание Верховного Совета Грузинской ССР». Здесь следует обратить внимание на фразу – «С этого момента (т.е. с 1817 г., – Т.Г.) до начала 40-х годов Семенов работал в Грузии, сперва младшим архитектором, а с 1820 года руководителем всех строительных работ». «В Грузии» – это опечатка, причем грубая, которая полностью меняет смысл, поскольку все это время он работал не в Грузии, а в Грузино, усадьбе графа А.Аракчеева, находившейся в Новгородской области. Далее уже правильно указано «в Грузии» – «Наиболее известные постройки Семенова в Грузии – казармы Павловского полка и чугунные беседки... Вызывают недоумение «казармы Павловского полка», так как лейб-гвардии Павловский полк был расквартирован в Санкт-Петербурге и там находились его казармы, кстати, построенные известным

русским архитектором. И о том, что И. Семенов – автор б. дворца наместника в Тбилиси, где по смыслу имеется в виду уже перестроенный дворец, автором проекта которого является архитектор О. Симонсон, то тут уже не знаешь что сказать. И то, что И. Семенов был автором проекта дворца конца 1810-х годов исключается. Ведь с 1817 года он находился в Грузии. Как мог крепостной оказаться в Тифлисе и как бы ему, как указано в заметке, «юноше», еще не получившему звания архитектора, поручили бы такой значительный проект, тем более что согласно существовавшему в то время в Российской империи законоположению, «нигде по городам не допускались к постройке зданий лица, не получившие или звания архитектора или свидетельств от Академии художеств, либо от департамента строительства морского министерства, или департамента Главного управления путей сообщения и публичных зданий, что лица эти имеют достаточные сведения дабы заведовать работами». Проект дворца наместника не упоминается в списках его проектов,

хотя такой значительный проект должен был быть учтен. К сказанному можно добавить еще то, что А. Ермолов находился в Грузии с 1816 года и вполне допустимо, что существующий дом главноуправляющего не соответствовал его рангу, что привело к решению построить новый дворец. В 1816 году губернским архитектором был назначен скульптор, архитектор Иосиф Камберлен. Он является одним из авторов оформления здания биржи и ростральных колонн в Санкт-Петербурге. В Тбилиси известен лишь его единственный проект – дом царевны Текле, дочери царя Ираклия II. Высказать предположение, что дворец, построенный при А. Ермолове, был осуществлен по его проекту, трудно, хотя по статусу это вполне допустимо, но высказать предположение, что он мог быть автором статуй Геркулеса и Минервы, украшающих дворец, вполне возможно. Здание Дворца с ныне существующим его характерным архитектурным обликом остается одним из значительных архитектурных памятников Тбилиси.

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

Николай Джинчарадзе

■ Вахтанг АРОШИДЗЕ

Познакомились мы в середине двухтысячных. Тогда благодаря стараниям Наиры Джорбенадзе стали теснее общаться русскоязычные авторы песенного жанра. На одном из этапов подготовки к концерту в «Кавказском доме», в одном из офисов, наскоро снабженным примитивным усилителем и микрофоном появился Ника Джинчарадзе. Нет, он, конечно, был уже признан и любим в кругу своих друзей, но я и многие из моих друзей его не знали. Первое же знакомство показало, что Ника непременно должен участвовать в совместном выступлении. Тогда организационную сторону подобных мероприятий брал на себя поэт Гоша Туманный. Ника попал в наше окружение и остался навсегда. Вообще, куда бы ни попадал Ника впервые, он уходил оттуда близким человеком. Сразу чувствовалось, что этот человек никогда не солжет, никогда не

пройдет мимо, если нужна помощь, никогда не предаст. Мне кажется, что Никушины поэтические и музыкальные таланты это всего лишь одна из составляющих его многогранной и очень одаренной личности. Он любил всех. Любил друзей, любил детей, любил женщин. Он боготворил женщин, посвящая прекрасному полу замечательные стихи, песни, мелодекламации. И женщины отвечали ему взаимностью. Друзья просто не представляли, чтобы кто-то другой жарил шашлыки во время пикников и посиделок, ибо у Ники это получалось лучше всех. Ученики воскресной школы «Кавказского Дома» восхищались уроками боевого мастерства, которые проводил Никуша. Ведь у этого мягкого, лиричного человека за спиной была служба в десантных войсках и силовых структурах.

Говорят, лучше всего человека узнаешь во время по-

ездок. Мы ездили с ним по Кавказу на разные фестивали. Трудно себе представить более комфортное общение, чем находиться рядом с Никой. И это не связано с тем, что он во всем соглашался. Совсе нет. Просто его аргументы всегда вызвали согласие. Никуша обожал свою мать. Ей нужны были глазные капли, которые не всегда можно было достать в Тбилиси и вот, пока Никуша не решал эту проблему где-нибудь в Баку или в Ереване, он не успокаивался. Он выяснял, уточнял и, завладев желанными пузырьками, со спокойной совестью отдавался фестивальному круговертью.

Никушино появление в «Кавказском доме», как и ожидалось, переросло в тесное сотрудничество. Началась организация кафе «ДНК» как места творческих встреч и посиделок. У Гоши Туманного были очень большие интересы в сфере, отличной от авторской песни.

В связи с этим центр административной «тяжести» постепенно перешел на Нику, а затем полностью стал опираться на него. Благодаря Нике «Кавказский Дом» превратился в творческую мастерскую для авторов и не только песенного жанра. Через уютную, маленькую, любовно организованную звукозаписывающую студию прошло много талантливых людей. Не знаю, смогло бы у руководства «Кавказского дома» сформироваться столь же дружественное отношение к авторской песне, не будь там Никуши. Я думаю, что нет. Для меня и многих наших друзей «Кавказский Дом» стал настоящим ДОМОМ, куда мы любили приходить, где чувствовали себя почти что в родных стенах. Ничуть не умаляя доброжелательность руководства, в основном эту атмосферу создавал Ника Джинчарадзе. Ему удалось завоевать любовь всего коллектива и это отношение перекинулось и на нас, Никушиных друзей.

Многое можно еще сказать и будет сказано, но сегодня боль все еще очень острая. Больно всем, и тем, кто в лице Ники потерял близкого друга, и тем, для кого он был просто хорошим знакомым. И еще, к горечи потери присоединяется какое-то чувство осиротелости. Как бы ни продлилось взаимоотношение «Кавказского Дома» с авторами-исполнителями, как бы широко ни откроется дверь этого центра, она никогда уже не будет для меня той дверью, которую открывал мне Никуша.

Нежность моя...

Нежность моя, я прошу тебя, слышишь, усни...
Просто с тобой мне намного больше сейчас...
Пусть пролетят черным вихрем ненужные дни,
Это пройдет, будет новое время у нас...

Снежинка радости в окно
Влетела, но... но тает снег.
Наверно, так заведено, —
Для света миг, для мрака век.
Да кем же так заведено
На радость — миг, на горе — век?

Горечь моя, бесконечная, слышишь, уймись...
Разве еще не хватило печали самой?..
Что-то во мне непонятное, просится ввысь
Эта зима, может, станет последней зимой...

Я не ропщу, роптать — грешно...
Меняют судьбы русла рек,
Но кем же так предрешено, —
Для счастья миг, для боли век?..
Да кем же так предрешено
Для жизни — миг, для смерти — век?..

Счастье мое и, покинув, меня не покинь...
Я сохраню нежный образ навеки в груди,
Чтобы молить, глядя в неба волшебную синь:
Дай мне, Господь, отыскать ее, девочка, жди...

Дышать невмочь, и жить темно...
Но не ускорит время бег...
Наверно, свыше так дано,
Такой я просто человек...
Не мною так заведено
Любимым — миг, влюбленным — век...
Не мною так заведено
Любимым — миг, влюбленным — век...

Николай ДЖИНЧАРАДЗЕ

Архитектором дворца Романовых в Ликани (1892-1895) является Леонтий Николаевич Бенуа. Дворец построен на берегу реки Куры. Изначально задумывался как загородный дворец великого князя Николая Михайловича.

Фото Александра Сватикова